

The poster is a vertical rectangle. At the top, a dark, metallic, bat-like creature with glowing orange eyes is centered. Below it, the text 'СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК' is written in a small, white, sans-serif font. The middle section features a man in a green t-shirt and dark pants, holding a machine gun. He is looking directly at the camera. Behind him, three zombies are visible, one of whom is holding a large, ornate sword. The background is a dark, desolate landscape with a large, dark, cylindrical structure on the left and a large, dark, winged creature in the sky. The bottom section contains the title 'СТАРАЯ ПЕРЕПРАВА' in large, white, sans-serif font, and a tagline 'Очень нужно постараться, чтобы вернуться назад.' in a smaller, white, sans-serif font.

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Алексей ПОГАНЕЦ

СТАРАЯ ПЕРЕПРАВА

Очень нужно постараться, чтобы вернуться назад.

Современный фантастический боевик (АСТ)

Алексей Поганец
Старая переправа

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Поганец А.

Старая переправа / А. Поганец — «Издательство АСТ»,
2022 — (Современный фантастический боевик (АСТ))

ISBN 978-5-17-155040-0

Данил знал, что вселенная – это система. Но он не мог предположить, что защита этой системы посчитает его за вредоносную программу и отправит в мир-песочницу, где будет тестировать, выявляя, есть ли в нём вредоносное ядро. Помимо Данила в этот мир для проверок копируются сотни существ со всей вселенной, причём очень часто заражённых. Хотя многие попадают просто из-за того, что умеют что-то большее, чем остальные. Но и вредоносное ядро может быть спрятано очень глубоко и просто так не выявиться, поэтому система мало кого выпускает обратно, и очень нужно постараться, чтобы вернуться назад.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-155040-0

© Поганец А., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	33
Глава 6	39
Глава 7	45
Глава 8	51
Глава 9	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Алексей Поганец

Старая переправа

© Алексей Поганец, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

Данил шёл бодром шагом... Ни рюкзак, ни пройденные километры абсолютно не ощущались. Полгода. Полгода он искал этот старый заброшенный мост. Исползал все берега, искал не только на местности, но и на картах, – всю зиму он пересматривал разные карты. Но точных карт этого места почему-то не было. Да и вообще карт этой местности было очень мало. Казалось бы, самая середина России, Среднее Поволжье, должно быть картографировано вдоль и поперёк, но нет, на картах царских времён нужного места не оказалось. Теоретически этот мост нанесен на все карты, только практически он находился на белом поле большинства карт; это те поля, что по краям листа.

Он никогда не задумывался над тем, что живёт на краю географии, пока не занялся металлопоиском. На нескольких картах этот мост был, только погрешность их составляла десяток километров. Ранние советские карты были тоже только большого масштаба и неточные. На поздних же картах новый мост уже обозначался, да и новая дорога, которая располагалась в десяти километрах от старого моста. Единственная более или менее точная карта этой местности оказалась, как ни странно, американской военной, пятидесятых годов; хотелось верить, что где-нибудь в генштабах лежит штатовская карта, которая точнее родной. Но и эта карта давала погрешность около трёх километров.

Данил всю зиму всматривался в современные спутниковые карты. Мост предполагает спуски к реке, а берега у этой извилистой реки с обеих сторон обрывистые. Проблем-то вроде никаких, нужно просто найти спуски. Но в том и загвоздка, что таковых спусков не было. Вернее, спуски нашлись, но либо с одной, либо с другой стороны, а ведь мост предполагает съезды напротив друг друга. Именно эта загадка и зацепила Данила, вернее не только она – ему посчастливилось увидеть кусок старинной карты, почти схематичной, и тут была отметка карандашом, почти на поле карты, и надпись «ПЕРЕПРАВА». Единственная надпись на всей карте, что не могло не заинтересовать. Это всё равно как красный крестик на пиратской схеме.

Конечно, полгода поисков звучит слишком солидно. На самом деле появляться здесь он мог только в выходные, да и то далеко не во все. То дома сантехника потечёт, то на работе аврал и в субботу приходилось работать. Бывало, что и камрады звали в другое место покопать. В итоге за эти полгода Данил приезжал сюда раз семь. Но вот мысли не отпускали от этого места целых полгода. Конечно, как только сказал про предположительное небитое место, желающих походить друзей тут нашлось много. Тем более что парень был редким поисковиком, который хорошо разбирался в картах, и звали его все камрады в совместный коп очень охотно. Но покатав на машине туда-сюда, так и не найдя места, все тут же теряли интерес. И лишь природная настырность не давала ему всё бросить.

Вроде и чего тут искать – всего три километра берега, исходить можно за день. Обычное место. Со стороны села подходит асфальтированная дорога и как-то резко уходит вбок. И с другой стороны реки подходит асфальтированная дорога и под девяносто градусов уходит к полузаброшенной нефтебазе. Вроде бы соедини эти дороги до поворотов, и получишь искомое. Но с одной стороны упираешься в карьер, заросший клёном, а с другой стороны был обрыв метров шесть в высоту, под которым располагалось озеро, а дальше берег весь зарос клёном, вплоть до самой реки. Было по два спуска с каждой стороны. Один под пожарный насос на нефтебазу, очень узкий и крутой, подводы по такому точно не спускались. А самый очевидный спуск со стороны села оказался выводом очистных сооружений. Можно было предположить, что моста и вообще не было, но даже отец помнил, как возили его маленьким на бортовке через этот мост в город. А это получается, что в шестидесятых годах мост точно был.

Хотелось махнуть на всё рукой, тем более находок тут почти нет, так, несколько советских монет и стреляных измятых гильз, скорее всего оставленных белочехами. Все камрады

переключились на металлолом, и старина уже никого не интересовала, тем более что ничего и не стоила.

И вот в прошлые выходные, когда Данил шагал уже домой, его окликнул дед, сторож с нефтебазы.

– Ну, что накопал?

– Да так...

Данил похвастался своими находками за день. Было не густо. Двадцать копеек тысяча девятьсот сорок первого года, выгнутые чашечкой, видно тракторист затыкал ими гидравлический шланг. Сплюснутая гильза из винтовки Мосина. Россыпь монет шестьдесят первого года, которые никогда не лежат по одной. И самая ценная находка на сегодняшний день – современные пять рублей.

Сторож с интересом рассмотрел гильзу и гнутые двадцать копеек, отодвигая их подальше от лица. Похоже, зрение его подводило. И уверенности не было, что он вообще чего-то увидел без очков.

– Всё равно без очков ничего не вижу, – подтвердил подозрения сторож. – А металлолома сколько накопал?

– Да не собираю я металлолом. Видишь, с рюкзаком хожу, безлошадный я. Пешком хожу, а на горбу много не поносишь.

С машинами у Данила были особые отношения, он очень не любил ездить после серьёзного ДТП, устроенного не по его вине, но записанного на него. Но не обвинять же сотрудника, да и отчасти Данил за собой вину чувствовал: несоблюдение скоростного режима движения. Потому, когда его подрезали, он не успел затормозить. Нет, страха не было. После аварии он ещё долго ездил, но всё неохотнее и неохотнее: то дороги не чищены – выезжать неохота, то парковочных мест нет, лучше на автобусе. Потом продал машину, и желание сесть за руль пропало совсем.

Сторож же недоверчиво покачал головой.

– Да ладно... Смотрел, как ты на жаре целый день копаешься... И только это нарыл?

Ну, конечно, было немного обидно, и парень начал оправдываться. Хотя, наверное, не оправдываться, на самом деле так и было.

– Так я ж не из-за денег хожу, так, отдохнуть, вместо рыбалки. Рюкзак на спину, и пошёл на природу отдыхать.

– Нашёл отдых, целый день на жаре, да и земля тут выжженный суглинок, один ковыль растёт, лопата наверняка не лезет.

Тут он был прав, такую землю не всякая лопата брала, ломалась очень быстро. Поэтому пришлось купить довольно дорогую цельнометаллическую, известной фирмы.

– Да, лопат я тут прилично поломал.

– А что тут ищешь-то? Степь и степь...

– Мост тут был где-то, дорога старая...

– Так ты, милоч, не там ищешь, мост вон где был. Около родника. Ну, озеро с обрывом знаешь? Вон там. – И сторож указал пальцем.

– Спасибо.

– Да не за что, у меня сын тоже с металлоискателем бродит, металл собирает.

Время до автобуса ещё было, потому Данил развернулся и чуть не бегом пошёл осматривать указанное место, мимо которого проходил сотню раз.

Загадка, как всегда, имела простое решение. Спуск к воде был не прямым, а спиралью шёл вниз, заворачиваясь вокруг озера. И мост был не один. Сначала был небольшой мост через ручей-протоку, на своеобразный остров, образованный озером, протокой и рекой, а уже с острова мост перекинули через реку. Поэтому Данил его и не мог найти на карте. Тем более что тут всё заросло непролазным кленовым лесом.

Самого моста, конечно, не было, в ручье торчали чёрные от времени деревянные сваи. Зато и ручья не оказалось по сути, только старое сухое русло. Через речку и того не было, только насыпь до реки. А бабки и брёвна, скорее всего, давно снесло по весне ледоходом. Но времени на поиски уже не оставалось, нужно было бежать четыре километра до плотины, а оттуда уже можно вызвать такси до междугороднего автобуса. А вот на автобус опаздывать никак нельзя. Работа.

Данил работал механиком. А в пятницу оставил недоделанный вилочный погрузчик, пообещав доделать в понедельник с утра, иначе его просто не отпустили бы на выходные.

В свои двадцать семь лет жены он не имел, вернее была не так давно, но, как в том анекдоте, ушла к соседу по коммуналке после его очередной командировки. Жить с ними в одной квартире больше не смог и ушёл на съёмную. А вот за съёмную квартиру нужно платить, а чтобы платить, нужно вовремя попасть на автобус и дочинить тот несчастный погрузчик.

Но это было всё в прошлые выходные, вчера же, еле дождавшись окончания рабочей недели, он приехал с вечерним автобусом, переночевал у родственников. И сейчас в пять утра перебежал через плотину и уже подходил к небольшому серпантину, спуску к мосту. Приходилось спешить, ведь ляпнул сторожу про перспективное место, а у него сын копает, как бы сам не пришёл, а тут всё выкопано. Язык – главный враг всего человечества, ляпнешь, хвастаясь, а потом бежишь как угорелый.

Дорога на спуске была грунтовая, но прекрасно разровненная, такое ощущение, что перед тем, как забросить мост, тут всё идеально отремонтировали. И если бы не клён, который прорастал сквозь полотно дороги, тут не стыдно было бы проводить гонки, хоть и нет никакого покрытия, даже щебня. А самое главное, что не было ни одной ямки, а это значит, место не битое, то есть тут не бродили конкуренты и никто до него не копал.

Данил нетерпеливо собрал прибор для поиска. Ожидания – вот, наверное, из-за чего всё это занятие. Дорога, по которой ходили ещё подводы, это же всё равно как прикоснуться к истории, а уж если что-то найти...

В общем, через час ожидания не очень оправдывались. Сигналов было мало, найдено несколько запчастей от «сталинца» – это советский бульдозер сороковых годов. Зато это объясняло ровность дороги и отсутствие сигналов. Тут просто бульдозер навалил новую дорогу, засыпав все потенциальные находки. Значит, нужно свернуть с дороги и поискать в округе. Данил так и сделал, углубившись в кленовые заросли. Тут, конечно, не помашешь прибором, да и комары в тени как будто с цепи сорвались. Ну и ладно, в этом самая романтика. До ручья дойти ничего не стоит, мимо него не пройдёшь, а вот что-нибудь интересное по пути найти можно.

Есть сигнал! Что это? Он долго рассматривал прямоугольную сгнившую железку, выдавленные буквы Ц.З.П.К. Что это? Противогаз, что ли? Да, это, похоже, от первого противогаса Зелинского, а это же Первая мировая война. Находки пошли одна за другой: фильтры-бочонки от респираторов, металлические пластинки, что сверху респиратор к носу поджимают, шланги от противогазов и металлические обжимки глаз противогазов. Похоже, тут были представлены все модели респираторов и противогазов, причём всех времён. Вот только страх какой-то пробирает. В честь чего здесь столько респираторов и противогазов потеряли? Тут что, радиация? Или, скорее, скотомогильник какой-то. По нему лазить тоже не хочется.

А вот и ручей. Ко дну ручья у Данила были особенные ожидания. Чего только с моста в воду не выкинут. Может, белочехи отступали и выкинули шашку или винтовку. Но до дна ещё спуститься нужно, бережок хоть не обрывистый и тонкими кленами зарос, но высоты метра два будет. Ну и ладно. Лопату вниз, прибор на склон и... Он хотел аккуратно спуститься, но ветка, за которую держался, хрустнула, тело развернуло вокруг другой руки, его вес второе деревце не выдержало, и парень полетел вниз. И хлопнулся затылком в мягкое илистое дно. А вот это действительно страшно. Если б затылком о камень приложился? Его никто и не нашёл

бы тут; есть, конечно, плюсы в том, что гуляешь один, но есть и минусы. И самый большой минус, что помочь тебе никто не сможет. Ну ладно, обошлось, нечего о том думать, надо быть в следующий раз аккуратнее.

Дно ручья оказалось совсем пустое. Но это и правильно, нужно искать под мостом. Данил пошёл по ручью, всё равно мимо моста не пройдёт, и каково было его удивление, что он дошёл до реки. Он что, заблудился? Это другой ручей? Остатков моста он так и не нашёл.

Но мысли о нехорошем выбил сильный сигнал, прибор буквально орал на все голоса – такое ощущение, что всё дно завалено слоем металла.

Данил начал копать в одном месте. Выкопав яму около метра в глубину, бросил, тут всё звенит, можно и помощнее сигнал выбрать. Вот этот, но глубина ямы была уже около восьми-десяти сантиметров, а находки всё нет. Видимо, она глубже. Решив, что переходить больше не будет, принялся расширять и углублять яму. И вот он, заветный звук, когда лопата упирается в металл. А что это, ещё непонятно, даже что за металл – непонятно. Значит, копать нужно как вширь, так и вглубь. А в глубине пошла липкая грязь и начала просачиваться вода.

В липкой грязи и тине испачкался весь. Через час, накопавшись вдоволь и осушив четверть «пятюшки» с водой, весь по уши измазанный грязью, Данил понял, что не всякой находке он рад и что некоторые лучше не находить. Пусть тут хоть полуторка на боку лежит, копать он больше не будет... Ну, не сейчас... Ну, может, чуть попозже. Оставив яму не закопанной, чего до этого никогда не делал, он пошёл искать дальше с надеждой, что вернётся и докопает, вот отдохнёт только чуть.

А дальше он, перебравшись на остров, окончательно понял, что заблудился; посредине заросшего острова стояла стопка бетонных блоков. Такой прошлый раз не было, и это, получается, не тот остров. Такое он не мог прошлый раз не заметить. Ну точно, по прикидкам, до ручья идти нужно было ещё метров сто пятьдесят. Это другой остров... Ну ничего, обобщем и его. Тем более что блоки-шестёрки лежат тут стопкой метра два с половиной в высоту. Для чего? Очень странная находка. Получается, когда-то здесь хотели построить нормальный мост, завезли материалы, но не успели. Мост построили в другом месте. Только как сюда смогли привезти блоки? Тут же остров? Пусть лесом он зарос недавно. Хотя тут и деревья были толстые и высокие. Видно, лес тут был давно. Второй вопрос: почему эти блоки никто не скоммуниздил? Так, наверное, по той же причине: это остров, да ещё заросший лесом, технику сюда не загонишь, а руками не утащишь.

Вот то, что этими блоками замуровали что-то, Данилу и в голову не могло прийти, поэтому, обойдя эти блоки и не найдя ничего интересного, кроме очередных запчастей противоголов, парень уселся перекусить. Достав «поджопник туристский» и усевшись на него, он опёрся спиной о блоки и открыл банку дешёвой консервированной гречневой каши с мясом.

Да, когда-то давно, когда Данил начинал ходить с рюкзаком, у него там был целый арсенал выживания: нож-мультитул, газовый баллончик, плитка под тот баллончик, котелок, различные виды дорогой тушёнки, модное огниво с ферритовым стержнем, немного круп и разные пакетики чая. После пары выходов всё это наполовину сократилось, а позже и вообще выкинулось. В рюкзаке было три таблетки сухого спирта, половинка туристского ножа, та, что без ножа, а с открывалкой и ложкой. Да, оставил ещё огниво по причине, что ничего не весит, а таскать его круто. Даже нож перестал с собой таскать из-за того, что на автовокзале рамку металлодетектора проходить нужно и все ножи отбирали. Конечно же, маразм: охранники отбирают перочинные ножички у всех рыбаков, а пройдя вовнутрь, в любом из ларьков автовокзала можно выбрать из сотни ножей китайских брендов, до сорока сантиметров длиной.

Ещё всегда в рюкзаке была банка каши, правда кашу стал брать дешёвую. Всё равно жрать на копе было неохота. Вот пить – да. Основной вес в рюкзаке – это пятилитровая пластиковая баклажка воды. Были подозрения, что вода после осмоса и почти дистиллированная, и именно

из-за этого ею невозможно напиться. Но пить воду из местной реки Данил не решался и продолжал брать её в местном супермаркете.

Затолкав в себя полбанки каши, вторую половину осилить не смог. Каша, может, была и вкусная, рассыпчатая, и даже запах гречки чувствовался, а не собачьей еды, но сухая и абсолютно без мяса. Остатки каши он закопал под блоками, чтобы не оставлять мусор после себя. И убрал пустую банку в рюкзак – выкинет по пути где-нибудь в мусорку, а иначе следующий раз звонить будет под катушкой, и он её вновь откопает.

Времени ещё много, можно было минут пять посидеть, глаза у Данила закрылись... Никогда такого не было, чтоб на копе, да и уснуть. Да и рассказать кому – стыдно будет. Но какой коп, такое и настроение. Копатель придремал.

И придремал так сильно, что увидел сон.

Во сне тот, кто сидел за блоками, его спрашивал, чего он сюда припёрся. Данил всё подробно объяснил: об истории, о дороге и о поиске моста.

– То есть ты историей увлекаешься?

– Ну да.

– А объясни, знаешь ли ты, почему местное село имеет второе название Погановка.

Парень набрал воздуха, чтобы ответить, и понял, что не знает, – нет, конечно, были предположения, что связано это с грибами или утками-поганками на реке. Но он не знал, потому честно и признался:

– Нет, не знаю.

– С определённого времени поганью стали называть язычников. А до этого так называли всех тех, кто идёт другим путём. Дословно: по – движение, га – путь, инь – иной.

– погоди, так ты идол, что ли?

– Догадливый.

– Так такие блоки недавно стали делать!

– Этим лет четыреста, ты что, не увидел? У них петель нет, неужели отличия не видишь?

Петли Данил не мог рассмотреть, потому что верхние блоки были выше его роста.

– А зачем тебя замуровали?

– Старая история: с беспоповцами одними во взглядах на жизнь не сошёлся, вот они меня блоками и заложили.

– Так тебя освободить нужно?

– Не вздумай, мне и так хорошо, спокойно. Вот как ты догадался мне подношение подогнать? Кстати, у тебя нет ещё такой каши? Очень вкусная.

– Извини, нет.

– А может, что сладкое есть? – с надеждой спросил идол.

– И сладкого нет. Не думал я к тебе идти, – вздохнув, сказал парень.

– Жалко... – в тон ему вздохнул идол за блоками.

Посидели, помолчали, ещё по паре раз вздохнули, думая каждый о своём.

– Ну давай, спроси, что ли, чего-нибудь, – снова заговорил идол.

– А что, скажешь, где тут клад лежит?

– Скажу, только плата тебе не понравится. Совет спроси лучше, что-нибудь нейтральное, касающееся только тебя, это почти ничего не стоит... обычное.

– Ну не знаю... – Данил замолчал, придумывая вопрос, а в голову лезла, как назло, одна ерунда. Тем более такое, за что платить не нужно. – Кем я был в прошлой жизни? За этот вопрос не нужно платить?

– Не знаю, давай посмотрим.

Сон изменился, Данил понимал, что это ему снится. И сейчас он стоял на темной планете с красным небом и чёрными длинными облаками у горизонта. Да и он ли стоял: тонкие, но

мощные руки, способные согнуть сталь, тело было словно каменным, похожим на парижских горгулий. Кстати, он не знал, каких демонов они обозначают, но был уверен, что сам именно такой демон. Зеркала, конечно, не было, видно тоже мало чего, только очень длинные предплечья, да и не возникало у него никакого интереса собой любоваться, он высматривал плоские горы на горизонте, которые отсвечивали красным светом. Под этими горами находились живые. Существ двести. Парень их прекрасно видел, и чувствовал их страх, и упивался их страхом, ох зря они нашли такое убежище, улыбка расплзалась на его лице.

Данил мог их выжечь, но пусть пока живут. Он сюда послан как наказание. А просто выжечь – это слишком легко для них будет. За что и кого наказывал – он не знал, раз его послали, значит, те провинились.

– Э, подожди, – как-то неуместно для обстановки прозвучал голос идола, так что грёзы слетели. И парень даже не понял, проснулся он совсем или ему всё ещё снится. Он озирался по сторонам, ничего не понимая, сидя на «поджопнике». Однако голос продолжал:

– Видишь, оказывается, за всё приходится платить, кому-то больше, кому-то меньше. Давай, быстрее собирай свои вещички и прикладывай руку вот сюда.

Данил спросонья вертел головой. Что? Где? Непонятно.

– Вещи собирай быстрее, да быстрее ты, тормоз, иначе найдут тебя.

И как в роликах в соцсетях, где спросонья хватают яблоко и спасают тапки, залезая в шкаф, он схватил лопату-детектор и, накинув рюкзак, попытался сообразить, кто же его найдёт.

– Прикладывай сюда руку, я тебя перемещу. Да быстрее. *Переправа* я или нет?

Инструкции сыпались, не давая ничего сообразить, а на одном из блоков появился оранжевый отпечаток ладони. Как будто древний человек охрой рисовал, абсолютно не страшный. Да и переправу хотелось испытать.

– Да прикладывай уже, времени нет, – продолжал верещать голос.

Данил, естественно, приложил руку к отпечатку. Невозможно описать, сколько тысяч вольт прошло через его тело, да и не узнает он никогда, его просто выгнуло дугой, и сознание отключилось.

Глава 2

Проснулся он оттого, что муравьи ползали по лицу. Пытаясь стряхнуть муравья и ударив ладонью по лицу, понял две неприятные вещи. Щека и часть шеи обгорели от лежания на солнце, а ещё от небольшого прикосновения голова просто взорвалась болью. Угрозило его уснуть на солнцепёке, да ещё ерунда всякая снилась. Кое-как сев, удивился тому, что «поджопник» валялся под ногами, а не под головой. Стянув рюкзак из-за спины и достав «пятюшку», жадно припал к воде. Ух, вроде напился. Теперь умыться и полить на голову. Воды всегда с запасом брал, так что можно. Как только вода охладила голову, стал немного соображать.

– Где я? – Данил пытался вспомнить, где, с кем и что он отмечал. Память медленно складывала кусочки мозаики в одно целое.

– Блин!

Данил, опасаясь боли в голове, аккуратно встал на ноги и заозирался. Он находился в абсолютно голой степи, ни одного дерева, только полынь и ковыль, ну, может, кое-где виднелись небольшие заросли кустарника. Солнце уже не жарило и склонялось к горизонту. Так это не сон? Парень резко обернулся, поморщился от возникшей боли в голове. За спиной у него стоял каменный истукан, метра два в высоту. Ветер и время хорошо потрудились над его обликом, где-то камень был выкрошен, а где-то и скульптор был недоучкой.

Вверху каменного изваяния было схематичное лицо, без бороды и вроде бы накрытое шкурой с головой волка или собаки, угадать точно было невозможно – скульптур был явно не мастер, так схематично выдолблены в камне неглубокие линии, и то истёршиеся от времени. Торс же был вообще почти не обработан, только бороздки изображали тонкие руки. А вот ниже камень был украшен различными изображениями и узорами. Это и летающая собака с хвостом русалки, причём хвост и крылья были переплетены и перепутаны между собой в причудливых узорах. Также на каждой стороне среди причудливо перепутанных узоров была изображена спираль, как главный символ. Данил посмотрел под ноги. Тут было выложено капище из камней. Круг метра три в диаметре. И с тем же символом, спиралью, которая еле угадывалась, так как камни вросли в землю.

– Эй, друг! – попытался заговорить Данил, глядя в безжизненное лицо истукана. – Эй, ты меня слышишь?!

Он прислушался, но только ветер, гоняя волны по ковылю, шуршал им.

– Эй, если слышишь, я не согласен, верни меня назад.

Снова прислушался, тишина.

– Блин, я, кажется, на идиота похож. – Ему показалось, что каменное лицо стало улыбаться. Он тряхнул головой. Или лицо улыбалось и до этого?

– Кажется, с ума схожу, а может, мне всё снится?

И парень ущипнул себя что было силы за ляжку. Тут же подпрыгнул и схватился за ущипленное место. Вот дурак, нельзя было потихоньку себя ущипнуть. Теперь синяк точно будет.

Камень улыбался ещё шире, или всё-таки кажется?

– Ты давай, возвращай, мне послезавтра на работу. А то...

Данил решил разнести всё тут до гальки. Идол продолжал улыбаться. А до копателя вдруг дошло...

– Чтoб ты заговорил, подношение нужно?

Идол не ответил и не изменился. Но парень понял, что правильно догадался, нужно что-то вкусное. Данил принялся осматривать рюкзак и карманы, вдруг конфетка где завалялась. Идол с интересом наблюдал за ним. Но ничего съестного не нашлось, даже пустая банка из-под каши была словно вылизана.

– Ладно, найду вкусняшку и приду, тогда поговорим.

Только вот где её искать? Думается, блюдом из кузнечиков идола не задобрить.

Для начала он решил выбраться из дола на возвышенность и осмотреться, где же находится. Да и вообще, куда его занесло. Судя по местности и тому, как печёт солнце, это Казахстан или юг Саратовской области.

Данил подобрал «поджопник», уложил его в рюкзак, подумал, сложить прибор в рюкзак или нет, решил всё-таки идти с ним, вдруг что-нибудь зазвенит. Всё равно пойдет, а так хоть с интересом. На всякий случай пробежался по капищу и вокруг него. Пусто. Ну и ладно, копатель не в обиде. Пинь-пинь. Тонкий мелодичный сигнал и шкала металлоискателя показывали, что что-то интересное есть под катушкой. Кое-как забив лопату в землю, парню удалось выковырнуть, даже не выковырнуть, а выскрести небольшой комок спрессованной почвы. Но этого хватило. Монета, серебряная! Да крупная! Таких он не видел ни разу: судя по неровному гурту – древняя. Очуметь... Рачительно полив водой находку, он очистил надпись. Ничего не понятно, не то алфавит незнакомый, не то держал он её вверх ногами. Ладно, успеем за едой сходить, сейчас стемнеет, и человеческое жильё в степи видно будет. Не раз так Данил наблюдал ночью – на горизонте небо буквально светится над человеческим жильем. Даже если селение километров за десять, его всё равно видно. А там и из Казахстана вернуться домой можно будет, банковская карточка с собой, а она по всему миру действует, банкомат бы только найти. А кстати, Данил достал телефон и включил его. Выключенный телефон – это издержки профессии, когда лазаешь по кущерям, сети всё равно нет, а телефон в поисках сигнала разряжается очень быстро. Телефон включился, показывая двенадцать минут второго. Опять настройки сбились. Очень долго крутился поиск сети, естественно, сети не было. Но проверить стоило. До темноты еще пара часов, кладоискатель в парне победил выживальщика. Нужно провести пару часов с пользой, заодно с мыслями собраться.

С мыслями собраться так и не получилось, а вот нашлись сломанная бронзовая пряжка, свистулька-птичка, но почему-то сделанная из очень мягкого свинца, который мялся в руках как пластилин, и пара медных монет. Причём одна непонятная, квадратная с дыркой посередине. Может, и не монета вовсе, надписи на всех трёх монетах, включая серебряную, кардинально отличались друг от друга: где-то вязь, где-то клинопись, а на квадратной вообще чёрточки, как будто кто-то мешки с картошкой считал. А знакомых цифр не было вообще.

Солнце склонилось к самому горизонту, стих ветер, затрещали кузнечики. Просто красота, пора бы и на бугор сходить, осмотреться, чтобы по темноте ноги не ломать. Было ещё довольно светло, и Данил шёл быстрым шагом, размахивая прибором, как клюшкой для гольфа. Всё равно сигналов не было, но надежда теплилась.

Смех. Такой заразительный и тихий «у-ха-ха», ему вторило «и-хи-хи», хором «ха-ха», «хи-хи». Такое ощущение, что куча клоунов пытались рассмешить парня, ну и у них это получилось. Он расплылся в улыбке и повернул в сторону смеха, хотя, может, крыша всё-таки уехала и ему мерещиться начинает. Человек пять смеются – не меньше. И вдруг «у-у-уруу-у-рр» – смех сменился не то рыком, не то воем, да таким, что Данил встал как вкопанный, побледнел, даже мороз по коже прошёл. Люди так смеяться не могут, и тут, словно издеваясь над ним, вновь заразительно засмеялись с протяжным «и-и-ха-ха и-хи-хи». Только искателю было уже не до смеха, он переложил прибор в левую руку, а лопату в правую, начал медленно пятиться.

И тут он увидел *их*, а они увидели его, они вышли из чапыжника. Пять здоровенных собак с длинными шеями, как у маленьких жирафов, и ирокезами на голове. Гиены, что ли? Или похожие на них. Гиены вроде пятнистые, а эти имели переднюю часть туловища бурую, а задняя часть была как у зебры, полосатая, в чёрно-белую полоску. Что это за порода, парень не знал.

Бежать поздно, догонят. Вот бы спиной к чему-нибудь прижаться – к дереву или стене. Но тут вообще ничего нет в округе, кроме идола, значит, нужно отходить к нему. О гиенах

он знал только, что они не нападают на высоких жертв, и то из комедии про бушменов. Тут же приложил к себе лопату и прибор, так, чтобы они торчали выше головы. На животных это вообще никак не повлияло. Они продолжали смеяться и сокращать расстояние. Данил решил, что это не прокатит.

– У-у... прибыю... – Он замахнулся лопатой и заорал что было мочи.

Вот это прокатило, гиены перестали смеяться и отпрыгнули назад. Но ненадолго. И самое главное, они начали расходиться кругом. Сейчас они отрежут его от обелиска, и тогда точно беда. Обороной войны не выиграть, нечего ждать.

– У-у-у!

Парень поднял лопату, развернулся и побежал на ту гиену, что отрезала его от идола. Полсекунды не прошло, гиена просто ушла в сторону по кругу, не позволяя приближаться к камню. Всего лишь полсекунды он был развёрнут спиной к самой крупной особи, между ними метров пятнадцать было. Тело развернулось само – когда гиена преодолела пятнадцать метров в полсекунды, задумываться было некогда, времени ни на что не оставалось, только сунуть прибор в открытую пасть зверюге. Пластмасса катушки брызнула в разные стороны под мощными челюстями, но моток медной проволоки словно верёвка, его просто так не перекусишь, медь слишком мягкая. Гиена дернула головой, да с такой силой, что прибор вылетел из рук Данила. И гиена начала его трясти, мотая башкой. Замахиваться одной рукой было неудобно, лопата пыталась вывернуться, но замах был из-за спины очень сильный и очень неточный. Если бы гиена не трясла головой, мутузя остатки катушки, парень ни за что бы не попал, а так гиена сама подставила череп под удар.

Дон-н-н. Звон закалённой марганцевой стали полотна лопаты при столкновении с черепом гиены был такой, как будто он стукнул по рельсу. Гиена рухнула перед ним, откинув ноги в разные стороны. Парень тут же схватил лопату двумя руками и по горизонтали с разворотом хотел провести вокруг себя, отогнав гиен, которые подбегали сзади. Но полного круга прочертить не удалось.

«Дун-н» – лопата ударилась в неожиданное препятствие. Как эти гиены так быстро бегают? Удар сбил гиену, которая оказалась позади, она полетела кубарем. Удар же вышел неожиданный и такой силы, что Данил чуть не выронил свое орудие, кисти рук просто отсушило. Ещё раз крутанувшись на всякий случай, опять почти попал, но следующая гиена была уже умнее и успела отпрыгнуть. Он крутился с лопатой и орал во всю глотку.

Свободная секунда, зверюги разбежались, он занёс лопату над головой двумя руками и теперь уже ребром, как топором, ударил по черепушке оглушенной гиены. Снова ошибка, лопата кривая, после удара вновь чуть не вырвалась из рук. Тёплые красные брызги попали на руки и лицо, мало того, красный тонкий фонтанчик брызнул в сторону с такой силой, что казалось, кровь у гиены гоняло не сердце, а насос высокого давления. Вторая подбитая тварь, прихрамывая на ногу, отбежала на почтительное расстояние и там подвывала, остальная стая, подражая ей, отошла на более значительное расстояние.

Данил крутил лопатой по кругу, отходя к идолу. Но, похоже, им уже никто не интересовался, наверное, у гиен появилась еда, и они его отпустили.

Наконец-то он дошёл до истукана. Сначала прижался спиной к прохладному камню, держа лопату на изготовку. Потом со словами «извини, брат» полез на верхушку истукана – да, наверное, это осквернение, но он чувствовал, что иначе ночь не переживёт. Верх камня был плоский и размером с сиденье табуретки. Данил очень удобно уселся, свесив ноги и положив лопату на колени.

Ха, как он сюда залез?! Словно взлетел, да ещё с лопатой в руках... И как слезать теперь?

Тут опустилась тьма, так быстро и неожиданно, как будто свет выключили. Так бывает только на юге. Да и тьма была такая, что руки вытянутой не видно. Всё сразу огласилось сотнями звуков, словно это не степь, а джунгли какие-то. Да куда он попал? В Африку, что ли?

Это точно не Казахстан! Да и звёзды не те. Конечно, он не специалист по звёздам, но созвездие Большой Медведицы и Ориона знал. А значит, это южное полушарие. Ни фиги себе его занесло. Да и отсветов на горизонте не видно, а это значит, что электричеством местные не пользуются. Ну точно Африка. А значит, ему предъявят за визу. И язык он не знает. Но это дальние планы. Хотя ковыль с полынью разве в Африке растёт?..

Не то от ночного холода, не то от пережитого парня начало трясти, да трясло так, что он серьёзно боялся упасть с двухметровой высоты. Звуки потихоньку стихли, и разлилась обычная степная ночь. Даже топота гиен слышно не было. Прошло ещё немного времени, и Данил начал успокаиваться, да и трясло его уже меньше, и камень, сначала казавшийся теплым и уютным, стал холодить пятую точку и впиваться углами. Нужно бы достать «пенку». Но неудобно, лопата в руках, рюкзак за спиной. Потихоньку осмелев, начал стягивать рюкзак, вот уже тот на коленках, и парень наполовину вытащил «поджопник». Он им пользовался мало, а с собой всегда таскал из-за того, что придавал жёсткость задней стенке дешёвого рюкзака, и разобранный прибор не давил выступающими частями на спину.

– А-а-а... – неожиданный, почти человеческий крик боли раздался где-то рядом. Данил дернулся, рюкзак с наполовину вытянутой «пенкой» полетел вниз. Парень жонглировал лопатой, пытаясь не уронить её и не свалиться самому. Крик на одной ноте резко прекратился, а ему наконец-то удалось поймать лопату. Он замахнулся ею и замер. Какое-то время ничего не происходило, потом с той стороны, откуда послышался крик, раздалось какое-то довольное бульканье или урчание.

– Ур-рбру-ру-рбубу.

Данил вцепился в лопату, продолжая держать её на изготовку, до боли всматриваясь и вслушиваясь в пустоту; глаза вроде привыкли чуть к темноте, но всё так же было абсолютно ничего не видно. Урчание удалялось и было уже еле слышно, а потом вновь наступила тишина. Нет, изредка были где-то далёкие звуки, иногда что-то шуршало.

Примерно часа через четыре такого времяпрепровождения парень понял, что отсидел ноги, и они покалывали и становились деревянными. Нужно было слезть, размять ноги, заодно рюкзак подобрать и сидущку под зад подстелить. Развернувшись на камне, он повис на животе и потихоньку сполз. Кровь прилила к онемевшим конечностям, и их начало нещадно колоть, да так больно, впору заорать. Стараясь не шуметь и опираясь на лопату, он танцевал, разгоняя кровь. Вроде отпустило, надел полупустой рюкзак, пусть «пенка» так и торчит наполовину. Сейчас залезет наверх, подстелет под зад и до утра досидит с комфортом. Только вот как залезть с лопатой? Без лопаты, держась обеими руками за камень, взбираться было можно. Если же лопата была в одной руке, то залезть невозможно, и вообще непонятно, как он туда запрыгнул.

Вдруг метрах в пяти раздался шорох. Стало ясно, как он залез на истукана: положил лопату наверх и пулей взлетел. Тут же взял лопату в руки, выпрямился во весь рост и застыл на пьедестале, словно девушка с веслом. Шорох приближался. Данил всматривался вниз, шорох уже под ним. Вот вроде мелькнули темные тени. Сердце стучало, готовясь выпрыгнуть из груди.

– Пи-пи-пи.

Парень шумно выдохнул. Мыши-полёвки что-то не поделили и сейчас, ругаясь на своём мышинном, дрались рядом с истуканом, а может, и не дрались, может, в любви объяснялись, но пищали знатно.

Да, действительно, у страха глаза велики. Данил усмехнулся, хотел было прикрикнуть на мышей, да побоялся кого солиднее привлечь звуком. Как-то сразу заболела коленка, ударенная об истукана, и засадили предплечья, ободранные о камень. Кое-как подстелив «пенку» под зад, уселся, свесив ноги.

Его охватила какая-то апатия. Не то адреналин из крови выработался, не то просто надоело бояться. Кто-то где-то заорал, парень лишь мельком взглянул в ту сторону; внутри ничего

не дрогнуло, орут и орут, явно далеко. Сидеть на сидухе было в разы приятнее, почти комфортно. Если бы не холод, он был несильный, так – утренняя свежесть, но Данил был в майке и брюках. И прохлада потихоньку пробирала. Оказалось, что рюкзак приятно прикрывал спину от холода. А вот живот... Пришлось поджать две ноги под себя, усевшись на камне, словно горгулья. Тут вспомнился сон, которому после происшедшего не верить не было никаких оснований.

«Что, значит, я был демоном в прошлой жизни? Нет, не хочу, как так? Я же крещёный, да и среди сверстников самый набожный был. Нет, в разумных пределах, конечно. Ну не могу я к дьявольским отродьям принадлежать. И вообще, почему к плохим? Почему не к светлой стороне? – вел Данил внутренний монолог, проходя все стадии отрицания, возмущения, в итоге: – Да какая разница, в конце концов, кем я был в прошлой жизни, главное, сейчас кем являюсь», – решил он для себя. Тем более что и различной мистики не наблюдалось.

Лицом идол стоял на восток, а парень залезал на него со стороны лица и сейчас сидел лицом на запад. Обернувшись на очередные крики, он увидел, что за спиной небо светлеет. И звезд почти не видно. Данил развернулся лицом на восток. Кстати, примерно стало понятно, где тут восток, а где север. Небо медленно продолжало наливаться красным светом, хотелось бы побыстрее, но солнышко чего-то не спешило. Было нереально красиво, весь горизонт словно горел, становилось уже светло, а солнце так и не появлялось. Где-то ненадолго заурчало, и всё стихло, наступила абсолютная тишина, даже ветерка не было.

Из-за горизонта появился краешек огненного светила, доброго, даже смотреть на него было не больно. Солнце огромным пузырьком резко всплыло над горизонтом, как будто выпрыгнуло. Такого огромного солнца он ни разу не видел. Первые лучики начали приятно согревать.

Парень просидел ещё полчаса – сиди не сиди, а выходить к людям нужно. Конечно, очень не хотелось покидать относительно безопасное место, но тут его точно не найдут, следов людей он тут не видел. Вновь лёг на живот и, обдирая руки, спустился вниз. Поправил рюкзак, перехватил лопату и обернулся к идолу.

– Ну ты это, извини, если что... – И немного помолчав, всё-таки спросил: – А может, домой отправишь? Я исправлюсь. Я как домой попаду, тебе каши принесу и конфет... – Данил всмотрелся в лицо идола, ожидая реакции.

Ничего...

– Ведро каши и тонну конфет, – уточнил.

С последней надеждой он посмотрел на идола и прислушался к внутреннему голосу. Ничего. Парень глубоко вздохнул и, удобнее перехватив лопату, зашагал на запад, так как идол стоял на восточном склоне дола и ближний верх склона был на западе. Идти было страшновато, кто и откуда мог выскочить – никто не знал.

Такую странность степи, когда округа просматривается на несколько километров, а под носом ничего не видно, Данил знал. Кстати, вот и сейчас кучу пернатых он не заметил, вернее заметил, когда те в разные стороны разлетаться начали. Вроде обычные вороны и что-то похожее на грифов, хотя искатель думал, что грифы крупнее раза в три, а эти меньше ворон. Гиену собратья не съели, зря он о них плохо думал. Это нехорошо, сейчас труп будет привлекать падальщиков или ещё кого крупнее, ждать тут нечего, быстрее уходить нужно. Только остатки прибора подобрать. Там блок целый. Когда-то чуть с бывшей женой не разошелся, столько копил на него, а потом купил втайне от жены, стоит-то прилично, очень прилично. Так за эту трату получил, пришлось супруге подарок покупать, чтоб успокоилась. Прибор такой ценой достался, жалко бросать. Да и чисто для выживания трубки алюминиевые пригодятся, да и провод можно использовать.

Только вот остатков прибора не было видно, кто-то утащил, что ли? Далеко гиены утащить не могли, тут где-нибудь бросили. Данил осмотрелся, что-то непонятное маячило на горизонте, как будто огромные многометровые целлофановые пакеты замерли в воздухе мет-

рах в пяти над землёй. Отблески оранжевого утреннего солнца отражались на них. Нужно бы до них дойти, может, плантации там. Нет, сначала с верхней точки осмотреться, а потом решить, куда идти. Вдруг за бугром дорога.

Да фиг с ним, с этим прибором, жив останусь – на новый заработаю, его и так давно пора менять. Главное решиться, не прибор держал его здесь, а страх не пускал в дорогу.

Вздохнул, решился, и как-то легче стало. Данил бодро зашагал в гору. Пернатые вновь слетелись на труп, сейчас точно кого-нибудь привлекут. Быстрее ногами нужно шевелить.

С пригорка видно было не намного лучше: степь да степь кругом. Дорог нет. Ничего не было. И где всё то, что орало и визжало ночью, тут прячется? Ровный стол.

Целлофановых пакетов с этой точки видно не было совсем, сколько он ни всматривался – пустота, может, показалось всё-таки. Далеко на запад просматривался лес, ну по крайней мере видно было деревья. Опасаясь, что в другие стороны идти – значит возвращаться через труп гиены, продолжил путь только вперёд, и там есть хоть какой-то ориентир, то есть драг нах вест.

Глава 3

Солнышко ещё не пекло, и Данил, закинув лопату по-стахановски на плечо, бодро шагал по степи, почти как в стихах, только вот вместо кепи камуфлированная панамка, за которую камрады дразнили его пасечником. Честно говоря, эту панамку родственники хотели выкинуть, а тут он под руку попался, вот ему эту панамку и презентовали. Понятно, что и парень тоже хотел её выкинуть, но так, чтобы родственников не обижать, чуть попозже. И длится это попозже уже третий год, оказалась очень удобная вещь. Панамка поистрепалась уже, и пора бы поменять. Но очередной раз примеряя новую панамку на рынке и узнав цену, начинал ощущать, что та сразу казалась жёсткой и давила на голову. Это на пин новый или на катушку несколько тысяч – пожалуйста, а пару сотен за шляпку почему-то жалко.

Издалека степь казалась ровной, без бугров и растительности. Однако при подходе ближе попадались бугры, распадки и островки зарослей низкорослой чилиги, дрога, может даже солодки и, конечно, кустов полыни. Вот интересное дело: в степи растет только ковыль и три вида полыни. Полынь маленькая, былинками, чуть выше ступни. Полынь кустиками с мягким стеблем, по колено, и полынь кустами, стебли которой как у чилиги и высотой по пояс. И всё это полынь. Как-то с фантазией у наших предков не очень. Четыре растения тут встречаются, и три из четырёх называются полынью, хоть и выглядят совершенно по-разному. И про какую ведёшь речь – не совсем понятно.

Вот эти островки кустов парень обходил по большой дуге, так сказать – во избежание. И на земле этот чапыжник ничего хорошего не сулил, особенно по весне. Можно было часами бродить по степи, ни разу не подцепив клеща. После прохода по таким зарослям на брюках висело сразу с десяток клещуков.

Помимо чапыжника кое-где одиночно стояли кусты лога, чьи серебристые листья были какими-то инопланетными, как будто этот кустарник не с Земли. Эти кустарники, или, скорее, маленькие деревья, росли всегда одиночками. Подходы к ним просматривались со всех сторон, но всё равно Данил и их старательно обходил.

Помимо растительности были и камни, и просто проплешины, выход желтой глины наружу, где не рос даже ковыль. А скорей всего, здесь что-то копалось или тёрлось о верхний слой почвы. И верхний слой просто сдул ветер, и он постепенно превратился в пыль. Только вот копатель беспечно не обошёл это место, а шел прямо через него.

Того, кто сгрёб верхний слой, он увидел шагов за двадцать, и то потому, что тот медленно двинулся к нему. Огромная ящерица цветом местного грунта, пока не двигалась, была абсолютно невидима. Похоже, что это был варан. От резкого неожиданного движения Данил чуть присел, ноги дёрнулись вправо, тут же влево и так и остались стоять как вкопанные, не выбрав направления движения. А вот руки не подводили, они прочно обхватили железный черенок. И даже опыт вчерашнего боя учли, нужно бить не ребром, хоть лопата остро отточена, а ровно плашмя. Иначе черенок лопаты имеет изгиб и лопату при ударе вновь вывернет. Варан шёл с раскрытой пастью, вот это мощь. Парень не знал, какие бывают вараны, в передачах по телевидению про природу они казались не очень страшными, а это был динозавр, не меньше, да и как вообще такая туша может так двигаться, тем более бегать, хотя мощь была ощутима. Высоко приподнимаясь на лапах, варан начал разгоняться. Наверное, если такой врежется в легковушку, ту просто сомнёт. А тут ещё пасть раззявлена, голова, вернее череп, варана за громадной открытой пастью был маленьким, и самое страшное, что он казался каменным. Лопатой такой не пробить. А тут ещё то, что Даня принимал за камни, зашевелилось. Ещё вараны?!

Ну, на фиг. До варана оставалось шагов десять. Теперь ноги точно выбрали направление, ровно назад. Отпрыгивать в сторону не вариант, тварь только этого и ждёт. Парень рванул что было мочи, но, кажется, его догоняли. Он резко свернул в сторону, варан не смог резко

повернуть и, пробежав вперёд, замедлился и вновь побежал. Ну да, ну да, теперь попробуй догони. Данил бежал метров сто пятьдесят, не разбирая дороги. Страх чуть отступил. Сразу возникла мысль, что если так бежать, то ещё можно в новую историю вляпаться, попасть в чью-нибудь засаду. Парень обернулся, варан за ним не бежал, просто стоял и высовывал свой язык. У, гад, наверное, воздух нюхает.

Снял рюкзак, достал баклажку с водой. Побултыхал – литра два осталось, плохо. А солнце печь начинает, так воды надолго не хватит. Данил начал подозревать, что совершил стратегическую ошибку, нужно было идти вдоль по доли, так бы быстрее вышел к воде. Нет, лес, конечно, как вариант пока выглядел неплохо, вдруг за ним река или дорога. Поэтому он решил всё-таки дойти до него, тем более что полпути уже прошёл. Посмотрел на варанов. Там их стояло три штуки, и все то и дело высовывали языки. Данил напился воды, убрал баклажку, не удержался от показа неприличного жеста варанам и пошел дальше. Урок вроде усвоил, всё, что выбивается из общего пейзажа, нужно обходить. Любая мелочь имеет значение.

Вдалеке, на юго-запад, на горизонте брело небольшое стадо каких-то животных, возможно бизонов. Хорошо, что не по пути, а то около этого стада, чую, провожатые есть. Как бы они мной не заинтересовались.

Чем ближе к лесу, тем осторожнее шёл вынужденный путешественник. И тем больше лес казался бесконечным – он тянулся с одной стороны и уходил в другую, обойти его было не реально. Вот и деревья совсем рядом, можно рассмотреть вездесущий клён, карагач, берёзу, кое-где исполинами возвышались тополя – все деревья степной зоны. Только странно, деревья росли словно в овраге, степь нависала над лесом. Подойдя ближе, понял, что так и есть. Почти ровная черта отделяла лес от степи. Издалека Данил думал, что это лесопосадка, деревья по линии растут. А здесь была не просто линия, лес будто провалился на метр. Степь да степь, обрыв примерно метровой высоты – и начинается лес. Причем обрыв кое-где обвалился, а где-то держался корнями ковыля и был ровный, словно отрезанный ножом.

Недолго думая, парень спрыгнул вниз и начал углубляться в лес, надеясь, что это всё-таки лесопосадка или деревья у реки.

Только вот лес не степь. Тут обзора никакого, идти неудобно, то дерево упало – через него перелезть приходилось, то ствол обломанного дерева стоял как медведь, заставив его побелеть на секунду. Но путник пробирался дальше, веря, что лесополоса узкая и сейчас закончится.

Наверху был ветер, и деревья качались, издавая подозрительные скрипы или визги. Градус страха нарастал. Наконец-то Данил понял, что дальше идти не может. Честно признался себе, что боится, пока ещё без паники он повернул назад. Но тут раздался такой скрип ствола о ствол, что не выдержал и побежал. Ветки хлестали в лицо, позади, как по заказу, всё скрипело, кажется, даже ветер усилился. Он бежал без разбору, и вот особенно толстая ветка так дала по уху, что парень остановился, схватившись за ухо. Но зато в голове прояснилось: что это с ним? Сколько раз бывал в лесу, а такой паники никогда не испытывал. Да – скрипит, да – страшно. Но чуть-чуть смелости, и выйдем отсюда.

И тут его словно кипятком обдало: а куда идти? Кажется, он заблудился; после очередного скрипа ствола о ствол хотелось вновь сорваться и бежать. Так, стоп! Осмотреться. Как сюда попал, постоянно кидало то в жар, то в холод, а сейчас по телу разлилось приятное тепло. Причина? Просто Данил увидел тот обломанный ствол, что принял за медведя. Знакомый ориентир – двинул к нему. А вон то поваленное дерево, через которое перелезал. Только вот скрипы как будто нарочно усиливались, и чем ближе к выходу, тем сильнее. А вот ещё шорох какой-то. На дерево запрыгнуть, так стволы, как назло, гладкие, поздно. Мимо него несли на выход из леса обычный заяц.

Сердце стучало в ушах, сволочи, так от сердечного приступа умереть можно. Не успел подумать, как мыши то там, то тут устремились из леса. Значит, тоже пора спешить, не просто так все бегут отсюда.

Вот и обрыв... Данил взлетел на него и отошёл от леса, хотя разум всё-таки взял вверх над страхом. Если вараны пойдут по следу, тут удобно их запутать. Он спустился в лес, чуть углубился, справил малую нужду. Вернулся назад, к обрыву, и что было силы прыгнул вбок, пройдя метров сто вдоль обрыва, чуть не наступая на мышей. Прошел бы дальше, но страх всё усиливался, находиться в лесу было нестерпимо страшно. Забрался наверх. И побежал. Задумка была простая, вараны, пройдя по следу к лесу, почуют запах мочи и спрыгнут вниз, пробежав то место, где он ушёл вбок, да даже выбраться наверх им потом будет проблематично.

Сейчас же парень пошёл примерно на северо-восток, чтобы не возвращаться в дол по прямой на восток, а потом идти на север. Так, по логике, где-то на северо-востоке должны встретиться Данил и дол.

Идя, он всматривался, не бегут ли вараны по его следу. Нет, никого не было видно. Наверное, твари вновь улеглись в свои проплешины. Они ведь не поранили его. Парень слышал, что слюна варана ядовита, и животное за жертвой до тридцати километров может пройти, ожидая, когда его яд убьёт или ослабит её.

Солнце начинало палить так, что с Данила пот потек ручьями, и, соответственно, приходилось прикладываться к баклажке с водой. Вода таяла на глазах. Но и сюрпризов больше не было. Он с самого утра топал уже около шести часов, естественно, считая прогулку до леса. И по его прикидкам время подходило к обеду. Хорошо, кроссовки были растоптанными и удобными, и, наверное, стоит поблагодарить дагестанских производителей, берцы на копе не выдерживают и одного сезона, левая подошва лопается от нажима на лопату. А эти кроссовки хоть и недолго отходили парадной обувью, быстро обшарпались, а вот рабочей обувью второй сезон служат на копе. Эх, выдержали бы, иначе даже представить боялся, что будет, если они порвутся.

От монотонности ходьбы внимание вновь стало притупляться, и Данил поднялся на бугор, изрытый норами. Как только эта мысль дошла до мозга, он встал в стойку, замахнувшись лопатой. Никого? Метрах в тридцати был точно такой же изрытый бугор, и на нём стояло с десяток лисиц.

– Ха!

Парень двинулся в их сторону, убрав лопату, прошёл метров десять, когда лисицы, как по команде, нырнули в норы. И когда он дошёл до места, где стояли лисицы, они выпрыгнули из нор, но уже на другом бугре, метров в тридцати справа.

– Так у вас тут целый подземный город.

Но бегать за лисами он не стал, ему воду найти нужно. То, что лисы поселились около воды, Данил тогда ещё не знал и благополучно прошёл мимо озера, которое было за бугром. Да и дол был рядом, только он его пока не видел.

Прошло ещё шесть часов, а может, восемь. Последние пол-литра воды путник сэкономил как мог. От ходьбы ныло всё, и ещё, кажется, он натёр ляжки. Но парень упорно шёл вперёд, нужно было найти хоть что-нибудь, что могло помочь ночью, – дерево или стену, к которой можно прижаться спиной.

И вот путь ему преградил овраг. Нет не так, овражище. Овраг был такой же странный, как и обрыв около леса, прямой, и бесконечно убегающий в обе стороны. Причём появился он неожиданно, его до последнего не было видно. Хотя нет, за оврагом рос не только ковыль с полынью, но и виднелась сухая трава. И эту линию Данил заметил издали, а вот сам овраг был неожиданностью. Он даже попятился. К краю подходить было страшно, вдруг обвалится. Поэтому подходил к самому краю очень аккуратно, пробуя почву словно тонкий весенний лёд, вытягивая шею и заглядывая вглубь. Нет, не видно, нужно к самому краю подходить. Парень постукал лопатой по краю обрыва, вроде держит. Ничего, он не гордый, лёг на пузо и заглянул вниз. До дна было метров шесть, не меньше. Да и дно было не такое, как у обычного оврага, а слишком узкое. Как будто то был разлом, а не овраг, промытый водой. И на дне что-то блестело,

какие-то камушки. После долгого пребывания на высоте страх притупляется, и Данил почти не отползал, просто встал, развернулся. И увидел, как трещинка побежала по земле. Вот тут ноги не подвели, он сразу прыгнул вперёд. Большой кусок земли, метра два в длину и около метра в ширину, полетел вниз. Парень успел прыгнуть, но приземлился уже не на ноги, а на пузо. И повис на краю. Но хорошо хоть, так повис, и, обдирая пузо, быстро закинул ноги и откатился в сторону. Снизу послышался грохот обвала, и пыль взметнулась вверх.

– Ух! – Улыбка расплылась на лице. Успел. Зато теперь дно оврага хорошо просматривалось. Обвалившийся кусок почвы лежал ровно, не перевернувшись, расклинившись между стенками расщелины. Обвалилось земли прилично, и до дна теперь было всего метра четыре.

– Эх, зря спрыгнул, этот комок меня как лифт до дна довёз бы, а может, сейчас вниз спрыгнуть? Что-то там блеснит.

Немного подумав, Данил решил подкопать, чтобы хоть склон пологий был.

Копать надоело быстро, минуты через три. Может, будь он свежий, и покопал бы вволю, но целый день пеших прогулок не прошёл даром, руки сами опускались, будто на них свинцовые гири висели. Нет, определённо нужно отдохнуть. Судя по солнцу, до заката было часа три-четыре. И он решил вздремнуть, ведь впереди предстояла бессонная ночь. Овраг вполне прикроет спину, а если совсем трудно будет, можно вниз спрыгнуть. Подстелить коврик под почки, голову на рюкзак, лопату под руку.

Есть совершенно не хотелось, а вот пить сильно. А тут ещё баклажка под головой. Нет, так не пойдёт, нужно немного попить. Осталось пол-литра воды, вот сейчас половину выпью, а половина – неприкосновенный запас. стакан воды пролетел, даже не смочив горло. Парень посмотрел на остаток воды, побултыхал. И решил, что без лишнего груза идти будет легче, и залил остаток воды в себя. На предплечьях сразу появились капли пота, которые укрупнились на глазах.

– Зараза, воду жалко-то как. Ладушки, чуть вздремну, а там уже прохладно будет.

Он незаметно для себя начал разговаривать сам с собой, укладывая голову на рюкзак. Кажется, организм только того и ждал – всё-таки бессонная ночь, да ещё значительные физические нагрузки, Данил даже не заснул, он просто вырубился.

Солнце светило прямо в глаза. Данил схватил лопату и заозирался. Солнце стояло уже высоко. Кажется, он бессовестно проспал всю ночь, и его никто не сожрал. Да что ночь, он проспал и часть утра. Кажется, он где-то читал спор учёных, что такое сон и для чего он. Одна из теорий гласила, что млекопитающие во времена динозавров впадали в ступор, ведь неподвижную добычу сложно найти. Может быть, они и правы, ну валяется тело и валяется, тухляком не воняет – ну хорошо, не сильно воняет, не шевелится. Чего к нему хищнику подходить? Никакого интереса. А возможно, всё не так, и ему просто повезло.

Как бы то ни было, нужно решать, как пройти через овраг, он хоть и не широкий, метра два с половиной, но очень глубокий. И варианта было два: первый – идти в сторону понижения местности, все овраги впадают в доли или реки, второй – спуститься вниз и идти, ища обвал, или лопатой вырыть себе ступени и выбраться из оврага. Ну да, ещё и, чтобы спуститься, нужно подкопать. Но после сна парень был со свежими силами, потому решил покопать.

Свежие силы кончились быстро, через те же три минуты, видя бесперспективность копания. Тут полдня копать нужно. Нет, нафиг, лучше обойти. Накинул рюкзак и собрался идти вдоль оврага.

Топот привлек внимание, копатель схватил лопату и начал высматривать, что произошло. Поток, больше это никак не обозвать. Поток точно такого же цвета, как и окружающая степь, смешиваясь с пылью, двигался ниже в паре километров, перпендикулярно к оврагу. Даже сначала непонятно было, что это такое. Похоже, это сайгаки или кто-то похожий на них, огромное стадо неслось, скрываясь в поднятых клубках такого же цвета пыли.

– Куда? Там же овраг! – в сердцах крикнул Данил, ожидая, что будет, когда поток упрётся в овраг. Свернут в его сторону или в другую.

Копытные удивили, они волной стали перепрыгивать овраг. Да сколько их. Минуты три прошло, а они всё текут и текут. Вот это стадо, и где они прятались, интересно. Хотя неудивительно, цветом они были ровно как и окружающая среда, и, если бы остановились, парень бы их не увидел, как будто кусты ковыля.

Кстати, а от кого они бегут? Сейчас сайгаки перепрыгнут овраг, а разочарованные исследователи будут искать, кем бы поживиться, нечего стоять и рот разевать. Данил подошёл к обрыву, зацепил лопату ребром за край и, спустив ноги, повис на руках. Так прыгать не так высоко. Теперь одной рукой взялся за лопату. Она была зацеплена за край и вроде держала его вес. Задумка была такова: по лопате, как по верёвке, спуститься ещё ниже, тогда прыгать не придётся. Только он не успел спуститься до середины черенка, как полотно лопаты обвалило под собой землю. И парень, ударившись ногами, не удержался и мягко сел на пятую точку, продолжая держать лопату на вытянутых руках. Прислушался к ощущениям, всё ли цело. Вроде удачно слетел. Ещё ниже прыгать не пришлось, обвал сделал удобную насыпь. Почти удобную. Мелкие камушки набились в кроссовки, пришлось снимать обувь и вытряхивать. Первое, к чему он потянулся, это те камушки, которые блестели. Оказалось, ерунда – розоватые камни величиной с кулак, какие-то слюдяные, и их можно покарять ногтем. А уж если потереть друг об друга, то осыпались белым порошком. Вновь забрался на обвалившийся ком земли. Из него геолог был аховый, но когда-то спорил с другом, как выглядит природный гипс, и тот как доказательство принёс кусочек камня. Почти такого же, только тот был белый, а этот розовый.

Сверху свесилась чья-то любопытная морда, и Данил запустил камнем в её сторону. Попал! Морда заскулила и пропала, он даже не успел рассмотреть, кто это был. Вот специально так целить будешь – не попадёшь, а так кинул, чтобы скорее избавиться от разочаровавшего камня. Ведь парень спустился вниз больше из-за них. Уж больно они блестели самоцветами на солнце. Подождал ещё со вторым камнем на изготовку, но морда больше не появилась, видно обиделась.

А что дальше делать? Идти вдоль расщелины не хочется совсем, это сверху она как просторная смотрелась, а снизу очень даже узкая, да и обвалиться может в любой момент; нет, по дну идти не вариант. Попробовал пройти, нет, неудобно просто, ногу даже не поставишь нормально, да и ощущение как в пещере. Данил вновь забрался на обвалившийся ком земли и снял обувь, вытряхивая камушки. А дальше?

Решил выбить в стене ямки для рук и ног. Ямки получились. А вот лезть по ним, прилипнув к стене, нет. Потому что ямки кончались на двухметровой высоте. Дальше роста не хватало вырыть, что-то страшновато стало. Залез куда смог и лопатой начал сбивать землю. Земля с глиной охотно сыпались на верхолаза, залетая ему за шиворот. Вот сейчас копалось как-то без усталости, это не как с утра, когда выбор был, копать или не копать. Неизвестно, сколько времени прошло, но Данил наконец-то выбрался из земляной ловушки. Весь в пыли и грязи. Но довольный. Радостное состояние быстро прошло, когда он увидел бескрайнюю степь впереди и представил, сколько по ней топтать. А язык уже сейчас к небу присыхал. Да глина на зубах скрипела, как ни закрывал рот, всё равно полный.

Всё, никакие направления не интересны, только вниз – туда, где может быть вода. Получилось идти под острым углом к оврагу. Пройдя не меньше часа, Данил наконец-то нашёл дол. Тот раскинулся километра на четыре в ширину, и нет, внизу воды не было. Это уже становилось проблемой, пить хотелось нестерпимо. Губы просто ссохлись. Язык стал ватным комком. Парень даже подобрал камушек, чтобы обсасывать его как леденец, вроде должно помогать и смачивать рот. Но на самом деле грязный камушек просто прилип к языку. Возможно, нужно было искать что-то типа гальки, а пористый известняк натурально прилип к языку, своими капиллярами впитывая остатки влаги. Выплюнуть камень было нечем. Страхнул его с языка

рукой, а после ещё долго пытался осторожно отряхнуть с языка пыль, оставленную камнем. Эта пыль ещё долго хрустела на зубах.

Солнце жарило нестерпимо. Сразу умные мысли посетили, что нужно было вдоль оврага вниз идти, там на дне могла вода быть, хотя могла и не быть. Данил не стал возвращаться, а упрямо шел вперёд примерно посередине высоты склона, чтобы в случае чего можно было заметить опасность. Растительности тут было побогаче. По склонам рос кустарник, и внизу даже попадались островки зелёной травы. Особенно стали докучать сухие колючки, которые умудрялись осыпать свои семена в кроссовки, и приходилось часто скидывать обувь, чтобы вытряхнуть их оттуда. Сесть бы куда в тенёк, отдохнуть, но к кустам подходить было очень страшно.

Он резко остановился. Что это? Ему кажется? Километрах в четырёх виднелось что-то любопытное, и явно рукотворное, – будочка небольшая, что ли. Это придало сил. Саднили ободранные руки, живот и натёртые ляжки, хотелось нестерпимо пить, несмотря на это, Данил прибавил шаг. Единственное, что смущало, будочка стояла вплотную к кустам, и подходить к ней было страшновато. Но, как говорят, любопытство сгубило не одну кошку.

Будка оказалась ржавой машиной, только вот какого-то странного дизайна. Хотя размером она была с микроавтобус, первое, что приходило в голову: этот автомобиль с детских аттракционов сюда притащили. Очень низкие широкие крылья, как у машин двадцатых годов, под ними непропорционально маленькие колёсики, почти полностью вросшие в землю. Спереди очень узкий и маленький, словно клюв у птицы, капот. Под таким можно спрятать только двигатель мопеда, больше не уместится. За капотом узкая, словно стакан, кабина, к которой были выстроены небольшие мостики. Так как кабина была уже самого автомобиля, чтобы до неё добраться, нужно было пройти над крыльями. А за кабиной была крытая платформа. Не фургон, а именно платформа с крышей.

Подходить было страшновато, кто там сидит в кустах – проверять не было никакого желания. Чем ближе подходил парень, тем больше было видно подробностей. Стекла разбиты, только в одном углу торчали узкие длинные осколки. Это значит, что стёкла были не триплекс и даже не калёные. Возможно, застеклили обычным стеклом во время ремонтов. Имелось множество молдингов и эмблем. Наверное, это когда-то блестело, а сейчас было всё ржавое. Кое-где угадывалась выцветшая красная краска. Кустарник пророс сквозь дыры в авто. И тут внимание привлёк кустарник, заставив забыть про чудо-автомобиль. Это же вишня. И куст с тёмно-красными ягодами рос прямо через платформу.

Но кидаться за ягодой Данил всё-таки не решился. А попробовал запустить в кусты камень. Камней, к слову, как назло, нигде не было. Нет камней, есть лопата, и он копнул землю, надавив на лопату что было сил, земля-то здесь твёрдая. Однако лопата заскочила почти на весь штык. Грунт явно отличался, что заставляло задуматься, пришлось даже чуть выдёргивать инструмент. Подняв комок земли, он запустил его в заросли вишни, ожидая, что из него выскочит если не здоровый хищник, то парочка зайцев точно. Но из кустов никто не выскочил. Даня постоял, послушал, а потом решил всё-таки подойти и постучать лопатой по кустам. Тишина!

Он не выдержал и сорвал сочную ягоду, закинув в рот. Ягода прилипла к нёбу, как будто это не вишня, а торон, с его вяжущими плодами. Парень раздавил ягоду между пальцами, сок брызнул в разные стороны. Ягода была сочной, это рот был слишком сухим. И путник начал закидывать безвкусные ягоды горстями. Косточки сначала не хотели выплёвываться, прилипая то к губе, то к языку. А мякоть не хотела глотаться. Прошло минут пятнадцать, как рот наполнился слюной, и он начал чутя привычный вкус вишни, а бобки начали привычно выплевываться. Сбив охотку, Данил достал баклажку и начал набирать ягоду в неё, попутно набивая живот. Прошло около пары часов, когда набралось четверть пяташки, приоритеты сменились, и парня стала интересовать не вишня, а остатки цивилизации.

Автомобиль был сделан из очень тонкого железа, даже, скорее, из жести, и потому ржавчина мялась от касания. Вот он дотронулся до крыла, и рука провалилась, пробив в ржавой жести дыру. А что там за движок за капотом? Проколупал дырочку, в гнилом железе стало видно небольшой цилиндр двигателя, к которому подходили металлические патрубки. Роторный, что ли? Данил никогда не видел таких движков. А может, электрический, просто провода в металлических трубах.

Колёса, кстати, были накачанные, хотя, скорее, резина просто цельнолитая, без воздуха. Осторожно, чтобы не провалиться, он наступил на рифлёный мостик, что вёл к кабине. Тот был сделан из более жёсткого металла и когда-то хромирован. А вот и кабина... Место водителя было спартанским – табуретка, больше никак не обзвать. Руля вообще не имелось, торчали два рычага, как на тракторе. Так, а вот это, наверное, бардачок. Данил потянул ручку лючка. Да, действительно, это был бардачок, и оборудован профессионально, там лежал стакан, и больше ничего не было. Стакан стеклянный, из тонкого стекла с мелкими пузырьками, и всего с восемью гранями. Под сиденьем обнаружилась трухлявая дубина, аналог биты. Но дубинка сгнила совсем и начала рассыпаться при попытке её поднять. Так что было решено оставить её на месте. Никаких ключей, балонников или монтажек не нашлось. С одной стороны, и к лучшему, ведь если нашёл бы, пришлось бы загрузить в рюкзак, а потом тащить то железо на себе. Ещё одна находка – это презерватив в истлевшей бумажной упаковке, спрятанный за щитком от солнца. Парень усмехнулся: зачем хранить презерватив в одноместной кабине?

Смех тут же пропал... Данил слишком увлёкся и не смотрел по сторонам. Всего в тридцати метрах появились три прямоходящих хищника, но не людей, а не пойми кого. Ноги с вывернутыми назад коленками, да и суставов было много. Туловище как будто в гладкой броне. Передние конечности удлиненные с шипами. А самое главное – голова. Похоже, это были насекомые. Плоская голова с большими глазами, как у насекомых, но не фасеточные, а просто чёрные. Больше всего пугали жвала, которые постоянно раздвигались, когда существа принимались или присматривались. Существа шли как хорошо обученные спецназовцы, тройкой, осматривая каждый свой закреплённый сектор. Шли они пригнувшись, перекатываясь с ноги на ногу, словно кошки. Притом иногда замирая и осматривая окрестности.

Парень сидел на месте водителя восковой статуей, боясь сплотнуть. Даже глазами боялся шевельнуть. И не смотрел на существ, пытаясь направить взгляд в никуда, чтобы они не почувствовали его. Самое главное, что лопата осталась снаружи, и он сейчас был абсолютно с пустыми руками, если не считать презерватива. Существа присели, одно подняло лапу, что-то показав. И они сорвались прыжками, убегая в сторону пробежавшего стада сайгаков.

Данил сидел, не шевелясь, ещё какое-то время. Это точно не Африка и не Земля. И буквы на упаковке презерватива совсем не земные. Нужно двигаться дальше, а вот есть ли смысл? Если это не земля, то и людей тут может не быть. Он ещё раз посмотрел на истлевшую упаковку и откинул её в сторону. Должны быть люди, это же кто-то оставил! Нужно двигаться. Хотя, может, эти жуки-переростки и оставили, уж больно они разумно махали лапами друг другу. Тогда смысла уходить отсюда не было, нужно обустроить лагерь. Тем более что тут есть кое-какие ресурсы. Вишня и металл. Под машину нору можно выкопать, нормальное убежище будет.

Попаданец хоть и объелся вишни, но пить хотелось. Вода, вот что заставляло двигаться дальше. Потому, подобрав лопату, пошёл, опасливо поглядывая в сторону убежавших существ.

Глава 4

Вишня в баклажке закончилась очень быстро, и Данил уже несколько раз встряхивал емкость, пытаясь вытрясти капельку сока, оставшуюся на дне. Но она размазывалась по стенкам, как только он запрокидывал голову. Но если через какое-то время достать баклажку, капелька вновь собиралась. Наконец он догадался убрать емкость вверх ногами в рюкзак. И очередной раз достав её, открутил крышку, а в ней, как награда, была та самая капелька, что не давала ему покоя. Правда, её не хватило даже смочить язык.

Он увидел заросли осоки издалека. Чуть не срываясь на бег, позабыв об осторожности, пошёл к ним напрямую. За зарослями осоки было озеро грязи. Грязь была испятнана различными следами, а вот на дне ямок от копыт и блестела ржавая вода. Причём хватало и куч навоза в округе, чтобы задуматься, пить или не пить. Данил никогда не подумал бы, что его перестанут интересовать такие мелочи в выборе воды. Конечно, если бы была таблетка для обеззараживания воды, он её бы использовал. Но её нет. Кипятить воду в консервной банке даже мыслей не было. Проблема с дровами, да и долго тут рассиживаться никто не даст. Поэтому, выкопав лопатой ямку поглубже, начал нетерпеливо ждать, когда жидкость наберётся. Ну как-то обеззаразить воду он всё же мог. Скинул майку, сложив побелевшую от высохшего пота материю в четыре слоя, и начал пустой банкой из-под каши зачерпывать воду. И, фильтруя через слои майки, стал сцеживать её в найденный стакан. Едва тот наполнился, как опрокинул стакан в себя. Отдавая себе отчёт в том, что проблемы с животом будут обеспечены, парень опрокинул второй стакан, а вот третий пил не спеша, параллельно набирая воду в баклажку той же банкой и фильтруя через майку. Не забывал при том воровато оглядываться по сторонам.

Конечно, было бы идеально подождать, пока вода отстоится. Но лучше пить грязную воду, чем обессилеть от обезвоживания. Данил выдул уже больше литра, и вода сейчас булькала в ушах. Да и привкус у воды появился. Набрав баклажку еще раз, он увидел, что осталось после фильтрации на майке. Какие-то жучки, блошки и шевелящийся волос. От выпитой воды стало ещё хуже. Умывшись и намочив всю майку, он пошёл дальше. Рюкзак значительно потяжелел, вроде всего-то пять литров, а на плечи давило словно все двадцать. Но идти стало веселее. Скоро в низинах дола осоки стало появляться больше, и даже заблестел ручеек.

Так как дело было ближе к вечеру, нужно присматривать убежище на ночь, поэтому парень решил подняться на склон и идти по нему, обзорность всё-таки повыше.

Большую воронку он увидел почти сразу, поэтому направился к ней. Объект явно не природный, а рукотворный. Воронка была просто огромная, метров двадцать в диаметре, и конусом шла вниз на приличную глубину. Кстати, внизу блестела небольшая лужица, примерно метрового диаметра. И если бы за спиной не было увесистой баклажки с водой, он спустился бы вниз. Что-то эта воронка ему напоминала. Да и стенки ее. Мелкие камушки уложены были так, как будто их ровняли каким-то инструментом, а если наступить на них, то поедешь вниз на попе. А ещё что-то не сходилось. Вода, что ли, слишком спокойная. Тут же по воде пробежала рябь. Нет, тут что-то другое. Точно, камушки до самой воды сухие, должны быть темнее около воды. Недолго думая, запустил камушек в эту лужу. Камень от воды отскочил, как от зеркала, будто это твердая поверхность.

– Не понял?

Подобрав камень потяжелее и покрепче, Данил вновь запустил им в воду. Вы когда-нибудь дергались, когда выскакивает чёртик из табакерки? А если тот чертик размером с легковушку? Гигантская медведка прыжком оказалась практически у края воронки. Парень думал, что выжимал из своего организма всё, когда убегал от варана, а оказывается, мог бегать быстрее. Он побежал вниз, а теперь разогнался и не мог остановиться, летел вниз по склону, делая двухметровые шаги. Только бы не зацепиться за корень, а то голову свернёт. Нет, пронесло,

как-то смог остановиться, вывернув сначала вдоль, а потом и сам склон. Обернулся – никого. Правильно, те, кто такие ловушки делает, не могут бегать, они хитростью берут. Вспомнил, на что была воронка похожа: муравьиный лев так охотится. Только тот маленький, а это переросток какой-то. И нарост интересный на клешне, имитирующий воду. Даже Данил почти купился.

Поправив рюкзак, обернулся, чтобы продолжать идти, как вновь остолбенел. По небу в пяти метрах над землёй плыли полупрозрачные пузыри двухметрового диаметра и метров шесть в длину. А самое страшное, что с них свисали щупальца, тонкие, словно нитки, которые почти касались земли. Почему-то Даня был уверен, что тот, за кого заденет эта нитка, не жилец.

Бежать? Нет, тут пусть и бегаешь быстрее их, но они гнать могут тебя постоянно. Поэтому лучше спрятаться.

Он медленно, не делая резких движений, отошел к небольшим кустам. И лёг на спину, на землю. Кусты едва скрывали его. Скорее, он просто не выделялся на местности, лежа на пустом месте. Парень надеялся, что эти медузы имеют плохое зрение и видят только то, что шевелится. Стадо летающих медуз медленно проплывало мимо него. Наверное, они всё-таки плохо видели. Особей в стаде было двенадцать, восемь больших и четыре маленьких. Данил лежал, всё так же пытаясь не дышать. На горизонте появилась ещё одна громадная особь, длиной метров пятьдесят или больше. Так, стоп! Это не особь, это дирижабль. На нём было даже что-то написано. И он медленно плыл вдоль горизонта. Эх, вскочить бы, поорать, помахать руками, но местные медузы ненадолго от него отлетели, и, если сейчас пошевелинуться, его съедят. Он провожал глазами дирижабль, который вроде еле двигался и уже полпути пролетел, чтобы скрыться за склоном дола.

– Ур-рбру-ру-рбубу.

Данил слышал этот звук ночью, считая, что он близко. Нет, он далеко – просто очень громкий, сейчас звук был такой, как будто в тромбон трубили. Аж диафрагма под легкими начинала вибрировать. Стадо медуз устремилось туда, где слышался звук. Похоже, они заинтересовались воронкой с отъевшейся медведкой. Вот и хорошо, вот и пусть разбираются друг с другом. Что там происходило, было не очень видно, и парню оставалось только догадываться, но судя по тому, что медузы не задержались, медведку они не достали. И дирижабль тоже скрылся.

Данил решил полежать ещё, чтоб медузы подальше улетели. Человек весь день куда-то шёл, а под вечер прислонил голову. Естественно, он задремал. Но вот проснулся он не утром, как прошлый раз, а посреди ночи.

Кто-то визжал невообразимым голосом, похоже, кто-то попался медведке. Крик наконец-то прекратился, послышался тихий хруст и чавканье.

Вокруг была темнота, и сколько до утра – было абсолютно непонятно. Ну и зачем проснулся? Холод пробирал, шея затекла, сменить позу страшно, вдруг кто-то рядом есть. Вслушиваясь в аппетитное похрустывание костей, Данил захотел есть, заурчал живот. А может, просто грязная вода, выпитая днем, начала действовать. Нет, просто жрать охота. Ну вот для чего он проснулся? Наконец решив сменить позу, свернулся удобно калачиком и вновь провалился в сон. В течение ночи его несколько раз будили вопли. Но он менял позу и вновь засыпал. В очередной раз его разбудили не вопли, а утренняя свежесть. И первый раз было охота ещё поваляться, но холод пробирал, потому парень, позёывая, встал и потянулся.

Человек... Человек шёл по другой стороне дола. Одетый в камуфлированные брюки и спецовку серого цвета. На спине висел вещмешок.

Данил, накинув рюкзак и подхватив лопату, побежал догонять. Кричать он не отважился, тем более человек шел прогулочным шагом. Самое большое препятствие – это едва видимый ручеек, сантиметров десять в ширину и пару сантиметров в глубину, который был без видимого

течения. Парень опасался, что будет в округе грязь и он просто увязнет рядом с тем ручьём, так и не перейдя его. Но грязи не оказалось, и он просто не заметил, как перешагнул ручей.

– Эй, подожди! – Данил почти догнал человека. – Да подожди ты.

Наконец он тронул его за плечо.

Незнакомец резко повернулся, так что Данил отпрыгнул. Кто его знает, что у него на уме, вдруг нож в руке. Опасения оправдались, незнакомец с разворота махнул рукой. И Данил, ожидая этого, легко увернулся, поднырнув под руку, и, отпрыгнув, выставил перед собой руку.

– погоди, пого... – он смолк, не договорив, что хотел. Незнакомец был не человек. Вернее, скорее всего, был когда-то человеком. Лицо обтянуто высохшей кожей, глаза мутные, чёткой границы зрачков не было, как будто они прятались за бельмами. И зрачок был мутно-красного цвета.

Незнакомец остановился, набрал воздуха и, разинув рот и обнажив два ряда острых белых зубов, заорал на ультразвуке, так что ушам было неприятно, а потом и больно. Звук ошеломил на какие-то секунды, потому попаданец не успел перехватить лопату для замаха, и атаку незнакомца пришлось встречать тычком лопаты в зубы. Правда на черенке была пластиковая ручка, и Данил очень за неё опасался, от такого удара могла разлететься. Да и любой человек от такого удара вырубился бы. Но абориген смешно отлетел, махая руками, как мельницами, пытаясь поймать равновесие, и вновь кинулся вперёд. Конечно, если бы он дрался руками, парню пришлось бы труднее, но незнакомец пытался его укусить. Пока мужчина отлетал назад, этих секунд хватило, чтобы занести лопату за правое плечо, и сейчас рывок незнакомца был встречен хорошим двуручным ударом. Голова его откинулась, даже деформировалась. Аборигена повело вправо, но он не упал, от такого парень даже растерялся, и незнакомец воспользовался его замешательством и вновь начал кричать, но не долго.

Данил обрушил на него серию ударов лопатой. Удар – повело вправо, удар – качнуло влево, удар, удар, удар. Парень уже начал уставать и, вложив все остатки сил в последний рывок, размахнулся что было силы, но тот упал сам, без удара. А тычок лопаты пришелся по воздуху. Оружие просвистело, разминувшись с головой в сантиметре. Даню закрутило по инерции вокруг его тела, кажется, он сделал оборота два, пока ноги не оторвались от земли, и он громко шмякнулся рядом с незнакомцем, лопата ударилась о землю и вылетела из рук. Ничего не понимая, он попытался встать на четвереньки, доползти до инструмента, но вестибулярный аппарат ещё не пришёл в норму, рука подломила. И он носом вошёл в землю. Второй раз попытка встать была уже более осмысленной. Парень подхватил лопату, замахнулся, но воевать, похоже, было больше не с кем. Незнакомец лежал без движения. Живой, нет – неизвестно. Да и щупать пульс неохота. Нужно уносить ноги.

Только что это было? Зомби, но те не сухие, а тухлые должны быть. Вампир? Зубами, может, и похож, да не – не похож, у вампиров зубы клыками, а у этого иголками. Да ну его, первым делом слюну с ручки лопаты смыть, вдруг заразная. Данил осмотрел пластиковую ручку, слава богу, целая, не лопнула, только борозды на пластике от острых зубов остались.

Уже у ручья, когда отмывал лопату, ему стал не давать покоя вещмешок незнакомца, зря он его бросил. Да и курточка-спецовка не повредила бы, ночи-то тут холодные. Но вот стоило ли задерживаться? Сейчас хищники набегут, хотя почему они его не схарчили до этого, он же шёл еле-еле. Так ясно почему, он же ходячий ультразвуковой свисток против собак. Наверное, хищники и так разбежались, заслышав его. Так что можно не бояться, а смело идти за трофеями.

Данил оценил чистоту лопаты, осмотрел. Нигде в рифлёностях не осталось следов крови, и он пошёл к незнакомцу. Тот лежал как лежал. Может, стукнуть его ещё раз? И как труп раздеть, а может, он ещё и не совсем труп, вдруг очнется. Парень несколько раз потыкал его лопатой. Разбитая голова больше походила на мешок с костями, чем на что-то твёрдое.

Маленький гриф приземлился рядом и с любопытством наблюдал. Это придало Данилу смелости, нечего очередь задерживать, тут полно желающих поживиться. Он потянул труп за руку, переворачивая его на бок. И начал стягивать вещмешок, стараясь находиться подальше от зубов и заходить со спины или тянуть за руку издалека. Вещмешок снял, приступил к спецовке, это было сложнее. Самое главное, что на ней не было крови. Да и вообще в этом иссушенном ходячем трупe кровь если и была, то немного. Стачив спецовку, парень решил снять и обувь. Ну просто потому, что во всех прочитанных им книгах с трупов в первую очередь обувь снимают, она самая дорогая на войне. На любой войне оружия горы валяются, а обуви нет. Снял, примерил по стопе, вроде подходят. Кожаные полусапожки-берцы, пригодятся, вдруг дождь пойдёт.

Штаны снимать побрезговал. Упаковал спецовку и обувь в рюкзак – сразу надевать не решился, сначала простирнет и отмоет в ручье.

Нет, забыл. Ещё один штрих: он похлопал по карманам штанов трупа. Ага, есть! Перочинный складной ножичек. Берём.

Ну всё, пора валить, вон уже грифов и ворон целая стая налетела. Сейчас точно кто-нибудь заинтересуется, что тут за пир у пернатых. Подхватив увесистый мешок незнакомца, быстрым шагом начал уходить подальше, потом рассмотрит, что там несёт.

Терпение кончилось примерно через час, или четыре километра от трупа. Он развязал вещмешок и даже не увидел, унюхал. Рот сразу наполнился слюной. О да! Четыре банки консервов, большие, почти под килограмм каждая, есть надежда, что это тушёнка, а не мины какие-нибудь. И самое главное, что пахло. Два колечка тонкой копчёной колбасы, завёрнутой в белую тряпочку. Данил забыл, когда последний раз ел нормально, поэтому сразу откусил кусок и дальнейший осмотр проводил уже жуя и постоянно откусывая. Ещё один свёрток, ржаные сухари. Правда попадались с плесенью. И пустая фляжка. Бакелитовая или пластмассовая, но интересная, в форме плоского бурдюка или капли. Парень открутил крышку, пахло спиртом, значит, продезинфицированная. Сразу перелил отстоявшуюся воду из баклажки во фляжку. Влезло примерно литр, хотя фляга смотрелась маленькой и плоской. Приладил на ремень, цеплялась она тоже интересно, как кортик на подвесах. И это было очень удобно, при наклонах и приседаниях она никуда не упиралась. Запив из баклажки колбасу, он переложил всё в рюкзак, который стал неподъёмным. Развернулся на сто восемьдесят градусов и зашагал к идолу, у него теперь было что ему поднести, по пути только воды долить в баклажку не забыть.

Шагая назад вдоль дола, Данил удивлялся: мимо стольких источников воды он прошёл и не заметил, когда направлялся сюда. Да тут целое озерцо было. Как раз заметив бугры с лисьими норами, он понял, как близко промахнулся мимо воды. Решил не задерживаться. Для чего? Если скоро будет дома, там и помоемся.

Расщелина тоже была обвалившейся, вода тут подтачивала обрыв, и он осыпался, создав вполне удобную переправу. И уже к вечеру парень дошагал до идола. Прикопав колечко колбасы в кругу капища, он вытащил «пенку» и уселся, прислонившись спиной к нагретому камню, закрыл глаза.

– Привет.

– Привет.

Начался разговор, будто встретились два приятеля, которые видели друг друга каждый день. И новостей не было ни у одного, ни у другого.

– Чего пришёл? – задал вопрос идол.

– Издеваешься?

– Да нет, просто спросил, чтоб разговор легче начать. – Верни меня домой, – потребовал Данил.

– Не могу.

– Почему?

- Тебе развёрнутый ответ или ответить потому что?
- Развёрнутый.
- Тогда нужна ещё оплата.
- Хорошо. У меня в рюкзаке консервы есть.
- Сколько? И что в них? – заинтересовался идол.
- Не знаю, четыре банки, но большие.
- Я посмотрю? – спросил разрешения идол.
- Смотри.
- Наступила пауза, как будто идол заглядывал в рюкзак.
- Хорошо, я заберу банку с перловой кашей.
- Бери.
- Ну тогда слушай, я начну издалека, и обычно за такую информацию беру куда большую плату, но ты интересный случай.
- Ну рассказывай уже, – нетерпеливо перебил его парень.
- Вселенная – это очень сложная система, созданная... Нет не так, ты дома в игры компьютерные играл?
- Конечно же играл.
- Ну вот так, наверное, проще объяснить будет. Вселенная – это как огромная компьютерная игра, миры – это как серверы, а вы люди – как... Э... – идол подбирал слова.
- Программы.
- Нет, не так, программы – это абсолютно всё вокруг, наверное, правильнее обозвать вас ботами. Ну те, которые ползают по карте и собирают ресурсы. Даже не так, вы, скорее, моды-боты, вас можно загрузить в игру, а можно удалить. И всё ограничено прописанными правилами, которые нарушить невозможно, например, камень твёрдый и так далее. У вас зовутся законами физики.
- Подожди, то есть мы в гигантском процессоре?
- Ну, не в одном и относительно гигантском. Для вас, наверное, гигантском.
- Подожди-подожди, а почему мы его не видим? И где сидит тот, кто нажимает кнопку, а я тут прыгаю?
- Да нет, я же сказал, что вы боты, причём саморазвивающиеся. Есть, конечно, управление, но такое... на уровне овнам сегодня светят деньги, а водолеям – проблемы со здоровьем.
- Ну а почему мы процессор-то не ощущаем?
- Потому что для вас это абсолютно другое измерение, это даже не трехмерное и многомерное, это вообще абсолютно другое измерение. Ну сам посуди, как герою компьютерной игры объяснить, что такое реальность. Но всё равно взаимосвязь измерений можно увидеть. Как, думаешь, подаётся питание на ваш процессор?
- Э-э...
- Хорошо, задам по-другому вопрос. Как энергия подаётся к вам?
- Заданный по-другому вопрос сразу предполагал ответ.
- Солнце?
- Правильно: солнце, огненный шар, проявленный из ниоткуда и выдающий просто прорву энергии.
- Подожди-подожди, а расположение планет как раз и влияет на «овнам сегодня везёт, а водолеям нет»... Это получается, что Земля и есть процессор?
- Ну в общем верно, только если на ваш перевести, скорее Солнечная система процессор, а Земля – ядро процессора, а остальные планеты – это ядра-сопроцессоры, которые влияют на определённые действия. Недаром планеты носят названия богов. И от них зависит... да много чего зависит. От положения Марса войны, а от Венеры любовь. Но есть ещё много того, чего вы не знаете. Облако аорта, например.

– Подожди, а другие звёзды?

– А другие звёзды – это другие процессоры и миры. А возможно, и просто микросхема чьей-то кофеварки.

– А если мы долетим до другого мира?

– Наивный, просто так защита стоит расстоянием, у вас часто программы сами без модема по проводам гуляют?

– То есть ты и есть модем, маршрутизатор или что-то похожее?

– Ну да, – скромно сказал идол. – Ладно, мы отвлеклись. Ты знаешь, что такое вирусы?

– Знаю, конечно.

– Так вот, есть подозрение, что ты и есть вредоносная программа, потому тебя и перенесли в этот мир, так сказать для тестирования или проверки.

– Я не вирус, верни меня назад.

– Не могу, не от меня зависит, нужно всё проверить, возможно, ты всё-таки вирус, или чит, или червь, или просто троян. А возможно, просто ты саморазвился до чего-то нового. Потому тебя нужно протестировать со всех сторон.

– Что за ерунду говоришь, до чего я развился? Жены нет, денег нет. В морду давал последний раз в каблухе, или не... Какая разница, всё равно сам огрѐб хорошо в тот раз. Я ничем от других не отличаюсь. Верни меня назад.

– Что ты заладил «верни, верни». Не мо-гу! Ещё раз повторишь, вообще разговаривать больше никогда не буду. У тебя возможность такая, спрашивай, что хочешь. Неужели хочешь упустить такую возможность?

О чём спрашивать, как не домой вернуться? Что может быть важнее? Данил вздохнул, успокоился. Проскакивали мыслишки раздолбить камень до основания. Но здравые мысли подсказывали: недаром на Земле идола не сломали, а блоками заложили.

– Расскажи, куда я попал и чего ожидать?

– Ещё одну банку... давай... – Идол задумался, будто выбирая. – Тушёнку попробую, – наконец решился он.

– Забирай.

После небольшой паузы идол продолжил:

– Ты знаешь, что такое песочница? Нет, не детская, а сапѐрная, где снаряды разминируют или легковоспламеняющиеся жидкости жгут.

– Да знаю я, что такое антивирусная песочница, это виртуальная система в системе.

– Всё верно, это и есть такой мир-песочница. Сюда переносятся не только индивидуумы наподобие тебя, сюда переносятся все подозрительные жители или предметы. Бывает, чуть ли не всех жителей деревни целиком может закинуть, ну и предметы, которые рядом оказались, а то и часть дома.

– И всех проверяют?

– Что их проверять, под местными условиями скрытые вирусы начинают проявлять себя. У себя в мире был обычный человек, ждал своего часа. Как только попал сюда, не вытерпел и изменился раньше времени.

– Кажется, я встретил такого, от него можно заразиться?

– Сложно. Всё зависит от типа вредоносного кода и от твоей иммунной системы.

– То есть я попал сюда нормальным и могу заразиться?

– Можешь, но сложно, и опять же некоторые заражения можно вылечить.

– Хотя бы по воздуху зараза не передаётся? Или если кровью обрызгаюсь, не заражусь? Или через... э? – Данил имел в виду что-то общее.

– Нет, не переживай, как правило, страшен укус и глубокий укус. Но в «...э-э» лучше не вступать с заражёнными.

– А случайные люди попадают?

– Бывает.

– Ну у них шанс вернуться есть?

– Нет, как их вернёшь? У них на родине они и не пропадали. Да ты не переживай, они тут поселения и города образовали. И теперь тут борются с заражёнными.

– Хорошо. Не подумай, что я прошусь назад, но... Местные условия меня не изменили. Почему мне нельзя домой?

– Прогресс не стоит на месте, появились вредоносные программы, которые понимают, что их тестируют в песочнице. И они не проявляются... Поэтому решено создать тебе более комфортные бытовые условия, для того я тебе всё и разжёвываю, чтобы тебе легче тут жилось.

– То есть я мог тебе не давать тушёнку?

– Ты что, для друга банку тушёнки зажал бы?

– Да нет, конечно, просто подумал, без неё мне будет сложно, и моё вредоносное ядро может не раскрыться.

– Найдёшь ещё, я же говорил, сюда переносятся жители с окружающими их предметами.

– Подробнее можно?

– А что подробнее? Сюда кого-то переместят, а там он заменится чистой копией... Знаешь, что такое откатить систему? Только не для всей системы, а для сегмента. Там даже никто не заметит, что человек пропал. Вернее, он не пропал, точнее... Ну в общих чертах ты понял.

– Нет, я про предметы.

– А что предметы, те, что рядом предметы были, с перемещаемым сюда попадают, если повезёт, то на телегу с конфетами можешь нарваться. Ехал себе мужичок на ярмарку, а тут бац. Представляешь, целая телега с конфетами, – мечтательно сказал идол.

– Как получается, что местность тут резко отличается? – спросил Данил, вспоминая нестыковки местности.

– Отличается, мир сборный, вот и местность клоками.

– На Земле тоже осталась моя копия?

– Нет, говорю же, с тобой сложнее всё, есть предположение, что ты с прошлой жизни имеешь в себе вредоносное ядро, так что смысла нет тебя откатывать. Именно потому тебя перенёс сюда я, а не автоматическая система.

– Как мне найти города людей?

– Ещё банка каши.

– Нет, сам найду.

– Ну хотя бы сухарей.

Данил задумался... Нет. Ему топать ещё неизвестно сколько.

– Что ещё нужно знать о мире? Что ты забыл сказать за ту ещё банку тушенки.

– А, да, забыл, в этом мире есть... господа. Это пришлые с другой планеты. По сути, это антивирусы, у этих людей повышенный иммунитет против заражённых. Предполагалось, что они будут бороться с заражёнными.

Идол с грустью замолчал.

– Что, не борются?

– Борются, только паразитируют на вашем брате, я же сказал, господа.

– А?... – Данил не закончил вопрос, поняв, что ответ будет: банка тушёнки. И потому закончил мысль совсем о другом, не о чём думал: – Не против, что ночь на тебе посижу?

– Против, конечно, ты прошлый раз меня больно стукнул коленом, тут в кругу спи, никто тебя не тронет.

Парень открыл глаза, было уже темно. Ну и ладно, подложил «пенку» под середину спины и рюкзак под голову. Что-то, кстати, рюкзак легкий стал? Правильно, пропали две консервные банки.

Он долго не мог заснуть, ворочаясь на камнях, которые едва выступали из земли, но в спину впивались знатно. А скорее, мысли не давали уснуть от ситуации. Наконец он отключился от забот.

Глава 5

Ночью на Данила всё-таки напали. Мыши пытались прогрызть рюкзак под головой. При этом очень громко шебурша. Он вскочил моментально, взяв лопату наизготовку, не поняв сначала, кто на него нападает. Но даже таких действий мышам хватило, чтобы разбежаться и спрятаться.

А парню после этого инцидента не спалось, эта ночь была особенно прохладная. Лезли мысли о заражённом незнакомце, которого он забил лопатой. Наверное, он был чей-то сын, а может, и чей-то отец. А его так и не дождутся дома. Успокаивало одно: в каком-то мире его, наверное, дождались, а в этом мире, возможно, вся его семья бродит по степи и никого не ждёт.

Не спалось совершенно, чтоб этим мышам аукнулось. Данил сел на «пенку», обняв рюкзак, пытаясь согреться, но это помогло слабо. Где-то кто-то истошно заорал. Парень теперь уже понимал, что ночью слышимость лучше и звуки разносились намного дальше, орали где-то далеко. Вопли уже не настолько пугали, ну, конечно, он боязливо поглядывал в ту сторону, но не более, а вот прохлада пробирала. Конечно, в рюкзаке лежала летняя спецовка, но он её так и не постирал в озере. Думал, что она не потребуется, что домой попадёт, а нестираную было как-то брезгливо надевать. Хотя что он как барышня кисейная? Потихоньку открыв молнию рюкзака, достал куртку и натянул на себя.

Чужой запах, табак и ещё что-то шибануло в нос. Блин, неприятно, чужая куртка отторгалась всей кожей, пришлось заставлять себя терпеть, а не плюнуть на всё и выкинуть её.

Но в какой-то момент он принялся, и куртка стала согревать. И она как-то вмиг стала своей, как будто в ней всегда и ходил. И лишь иногда на вдохе новая волна запаха на секунду заставляла скривиться. Данил уже хотел убрать рюкзак, как рука сама поползла за сухариком. И он потихоньку его схрумкал. Полез ещё за одним. Нет, возьмёт сейчас два, больше не будет и закроет рюкзак. Да, хорошо, горсточку возьмёт. Рука сама зацепила полную горсть сухарей. Он положил рюкзак к идолу, прислонился спиной и начал, похрустывая сухарями, рассматривать звёзды.

Есть было не комфортно, как будто кто-то голодный рядом стоял и заглядывал в рот, прожоя каждый сухарь взглядом. Возможно, конечно, это только казалось, но парень во избежание положил пару сухариков подальше от себя под траву.

– Угощайся, – на всякий случай прошептал вслух. Но ничего вокруг не изменилось, всё та же ночь, всё тот же камень.

Так можно и суеверным идолопоклонником стать, сначала сухариками камень подкармливать, а потом на каждую кошку креститься. Это же тоже такая тропа наклонная, только начини думать, что пошёл не с той ноги, потом сразу ком набираться будет, то с ножа поел, то на столе посидел, то ещё чего придумается. Нет, Данил, разжёвывая с аппетитом очередной сухарь, решил забить на все эти суеверия... Елки зелёные, до него дошло, что он, получается, вернулся. Попал сюда, прошёл половину пути и вернулся. Получается, пути в этом мире не будет! Зеркала нет, чтобы посмотреться, а значит...

Данил ещё отложил пару сухариков под траву.

– На удачу.

Немного подумав, положил туда все остатки сухарей, что держал в руке. Ну да, он покорно согласился, что обстоятельства сильнее его, и не в его власти спорить с ними. Кто-то из великих сказал, что в окопах атеистов нет, и парень сейчас с ним был полностью согласен. Это хорошо рассуждать в тепле перед монитором, что древние одушевляли предметы, приписывая им божественные свойства из-за трудной жизни. А когда вот так сидишь в темноте, слушая дальние вопли... Данил полностью уверен был, что, появившись сейчас мошенник, продавая «волшебные амулеты», которые чудесным образом прятали в темноте или усиливали бесшум-

ность, отдал бы последние штаны за призрачный шанс, вдруг сработает. Да и уверен был бы полностью, что они работают, ведь какие-то ночи переживёшь, думая, что именно из-за этих амулетов.

Слава богу, ничего похожего не было, а то он таскался бы с такой безделушкой на шее всё оставшееся время. Но плохо ли, хорошо ли, мысли запутались, и парень уснул, пригревшись в чужой куртке.

Утро Данил встречал выспавшись, хотел позавтракать и в туалет сходить. Но решил чуть пройти, а потом все дела сделать. Иначе опять в рот бы заглядывали, а в туалет в округе ходить тоже получится неприлично. Поэтому встал, накинул рюкзак. Махнул идола рукой.

– До встречи.

И быстрым шагом пошёл в ту же сторону вдоль по доли, где уже был. Там по крайней мере вода была. Первую остановку он запланировал у лисьего озера, и пока жары не было, нужно прошагать как можно дальше.

Где-то через пару часов ходьбы он решал, снять курточку или идти в ней, солнце начало припекать – без неё вроде прохладнее, а в ней солнце не печёт. Вдруг послышался звук – кто-то неприятно не то трубил, не то мычал. Звук был непонятно где, вроде позади, и парень прибавил шаг. Дойти нужно успеть до ближайшего укрытия, кустов, где можно спрятаться.

Как он понял, самые лучшие кусты для того, чтобы спрятаться, это кусты высотой не выше колена. В высоких кустах мог кто-то прятаться побольше тебя. На голой местности не спрячешься. А мелкие кусты были лучшим выбором. Не идеальным, всё-таки они плохо скрывали. Но зато, если там кто и прятался, то он был меньше тебя. Данил как раз выбрал такую заросль и спешил к ней вверх по склону.

Трубный звук вновь появился, ровно позади. Получается, от противоположного склона трубили, да трубили так, что мурашки по коже. Он оглянулся и побежал, очень не хотелось в голом поле встречать обладателя этого голоса.

Сначала звук поменял направление, непонятно как, но он стал доноситься не сзади, а спереди. Эхо! Промелькнула мысль, что звук отражался от небольшого обрыва позади. Следом за изменением направления звука метрах в ста спереди появилось огромное животное, не меньше носорога. Вот только шесть лап. Возможно, это и не животное, а насекомое, только ему некогда рассматривать было, он на бегу летел прямо на парня, и ничего не оставалось, как не останавливаясь принять положение лёжа, пропахав полметра по земле и ударившись грудью о лопату. Данил замер, на всякий случай накрыв руками голову и уткнувшись носом в пыльную землю. Как хорошо, что курточку не снял, иначе ободрался бы весь.

Его не заметили или видят? Парень боялся пошевелиться, тем более поднять голову и посмотреть, что там. И, как назло, животное трубить перестало, а так хоть бы по звуку определил, куда оно движется. Парень всё ещё боялся поднять голову, даже дышал через раз, а вот что там происходит, было непонятно, звуков никаких не слышно. Он надеялся, что если животное побежит в его сторону, то он услышит топот. А вот что оно делает в данный момент? Принюхивается? Прислушивается? А тут если шевельнёшься – точно к тебе побежит.

Неожиданно звук появился в другом месте. Данил осмелился поднять голову. Животное семенило всеми шестью ногами к противоположному склону, минут через двадцать оно скрылось из виду. Куда эта многоножка бежала: кого-то догоняла или от кого-то убегала? Вдруг за ней кто-то бежал? И на этот случай парень полежал ещё немного. Но нет, больше никого не было. Скорее всего, животное кого-то догоняло.

До кустов он не добежал метров пять и сейчас валялся почти на голом месте. Пока ему везло на слепых или чем-то занятых хищников, но так вечно продолжаться не может. И Даня решил увеличить свои шансы, срезав кусты и воткнув их в рюкзак на манер разведчиков. Так

можно прикидываться кустами, а не ветошью. Только вот это не лесные ветки, а кусты, и через полчаса они поникли. Повисли безжизненными верёвками. Так что от ветоши никуда не уйти.

Ему сегодня везло на встречи – из очередных кустов на него с лаем бросилась стая разномастных собак. Обычных собак, которых полно за мусорками живёт, но что-то при виде них не пахло ностальгией, и вообще такой встрече Данил был не рад. Схватившись за камень, который оказался слишком большим, примерно в полкилограмма, и при этом наполовину вросшим в землю, обдирая ногти, всё-таки вытянул его. Времени искать другой просто не было, а ногти могут и не понадобиться больше.

Заорав что было сил, побежал навстречу собакам и кинул камень, стараясь попасть в первую собачатину, летевшую к нему оскалив зубы. Конечно, промазал, да ещё и не докинул. Но получилось ещё лучше, чем рассчитывал. Камень упал намного раньше и, раскидывая куски прилипшей земли, покатился навстречу стае. Свора, сменив лай на скулёрж и поджав хвосты, развернулась и понеслась прочь.

– У-у-у, шавки, прибью, ещё раз покажетесь, – тряся высоко лопатой, прокричал Данил им вслед. Да и как-то после небольшой победы плечи расправились, поднялась самооценка, а то всё прятался и прятался.

Остальную дорогу до озера прошагал без приключений. Первым делом набрал воды, всё так же фильтруя через майку. Теперь основная задача – как-то помыться. Только имелись две проблемы. Первая: это те, кто мог сидеть в озере, начиная от лохнесского чудовища и крокодилов, заканчивая пираньями и теми рыбками, что в мочеполовой канал заплывают. Вторая проблема – это натоптанные тропинки к воде. Вот придёт сюда кто-то пить, а он натурально без штанов. Из-за первых нужно как можно медленнее в воду заходить, а из-за вторых – быстрее обмываться да бежать отсюда.

Постучав по воде лопатой, он ожидал, что выпрыгнет крокодил, но никого не было. Быстро сняв штаны, с одной лопатой зашёл по илистому дну чуть повыше колен. Глубже не рискнул и начал мыть первым делом трущиеся ляжки. Щипало, но было хорошо. Вторым делом голова. Хоть и без мыла мылся, но с головы текла такая грязная вода, оставляя тёмные полосы на теле и разведя такую муть вокруг Данила, будто он специально ил со дна поднимал. Пришлось зайти поглубже и окунуться. Раз никто не напал за это время, значит, не должны напасть. Щетина, конечно, появилась, но бриться было нечем. Третий завершающий штрих – постирал одежду. Нет, это громко сказано, ни мыла, ни порошка не было, просто прополоскал всю одежду и мокрой надел на себя.

Пора уносить ноги. Тут недалеко машина должна рядом с вишневыми кустами валяться, вот там и отдохнёт. Да, парень решил, раз некуда спешить, то можно идти с комфортом, делать привалы, можно даже чай кипятить.

Наверное, первый раз мечты сбылись. Около странного автомобиля никого не было, если не считать птиц, которые лакомились ягодой. Он скинул куртку и майку, разложил на ржавом металле, чтобы быстрее высохло. И сам полез лакомиться ягодой, нарывая между делом плоды в пустую консервную банку. Раззадорив аппетит ягодой, решил пообедать основательно. Уселся, прикрываясь ржавым авто, достал банку консервов.

– Трава – это, конечно, хорошо, но хочу мяса.

Данил рассмотрел консервы – просто железная банка, правда большая. Никаких надписей и этикеток, только на крышке выдавлены какие-то обозначения. Возможно, дата выпуска, и всё.

– Ну ничего, сейчас узнаем, что там.

Он трофейным ножиком вскрыл банку. На его лице отобразилось вселенское разочарование. Банка оказалась с кабачковой икрой. Правда, пахла просто изумительно вкусно. Но хотелось мяса. И немного на задворках сознания парень ругал идола, ведь тот забрал тушёнку и кашу.

Взяв два сухарика и раскладную ложку, Данил ополовинил банку. Уф, хорошо. Только проблема: в открытой банке полкило ещё осталось, а закрыть банку нечем. Прикрыв банку полиэтиленовым пакетом, который держал для мусора в рюкзаке, аккуратно сложил в вещмешок. Да, как-то не продумано у них, банки большие, за один раз не съесть.

Концепция идти с перекурами себя не оправдала. Где тут нормально отдохнёшь? Когда дергаешься от каждого шороха. Поэтому парень посидел минут пятнадцать, решил, что не настолько устал, чтоб сидеть тут полдня, подхватил рюкзак с лопатой и двинулся дальше.

Вот ещё одна встреча, практически лоб в лоб Он столкнулся с кем-то похожим на очень большого волка. Падать и прятаться было поздно, да и икра кабачковая разлилась бы. Не знаю, что навяло, но Данил медленно прислонил лопату к плечу, будто винтовку направив на волка, рассчитывая, что волк встречался с человеком с ружьём. Стояние продолжилось секунд десять. Неизвестно, что подумал волк, но он едва, примерно на полсантиметра, медленно опустил и поднял голову, как бы кивая. Парень повторил медленным едва заметным движением, он так же кивнул головой на полсантиметра. Волк тут же повернулся и пошёл в сторону, а Данил пошёл своей дорогой. Всегда бы так миром расходиться.

А вот и то место, где прибил заражённого. Остались только несколько кусков разорванной камуфлированной ткани от штанов. Даже мослов не осталось.

Чуть пройти, и дальше он ещё не был. Нужно было искать место для ночлега. Оно тоже нашлось, небольшая ямка, по краям обросшая полюбившимся ему мелким кустарником или, точнее, крупной травой. Если сюда лечь, тебя не будет видно, да даже если сесть – не видно. Да и вообще место отличное. Рядом стоять будешь – не увидишь.

Пока добил остаток икры, наступила темнота. И сон долго ждать не пришлось. Травка сходилась над головой, это давало такое ощущение защищённости, что тут его никто не найдет. Так что можно спать спокойно. Только улёгся, как сразу уснул.

Проснулся так же моментально, как и уснул, кто-то двигался в его сторону. Под светом звёзд сквозь траву было нереально рассмотреть, кто там. Почему-то Данил вспомнил про луну, он её здесь ни разу не видел, может, эта планета и не имеет спутника вовсе. Он сел на корточки, сгруппировался, готовый в любой момент выскочить с уже занесённой для удара лопатой. Единственное, что останавливало, вдруг это живой человек. Но нормальные люди по ночам дома сидят. Нет, даже если нормальный человек, лучше лопатой огреть, а потом разбираться.

Шаркающие шаги приближались, сейчас кто-то наступит на него. Парень не стал ждать, выскочив из травы буквально в метре и сразу нанося удар лопатой. Решив, что за то время, что летит лопата, успеет рассмотреть незнакомца и затормозить удар.

Обтянутая кожа. Всё, можно не сдерживаться, а бить со всей силы. Незнакомец даже не испугался появившемуся из ниоткуда собрату, а сразу начал разевать рот для крика. Но не успел, лопата с глухим звоном оборвала не начавшийся крик. Помня, сколько ударов нужно, чтобы упокоить зараженного, Данил не стал ждать, упадёт или нет, а сразу обрушил второй, а следом и третий удар. После третьего раза незнакомца повело, он упал, тут же встал на четвереньки. А парень ударом сверху добил иссушенное тело. Прислушался – тишина. Тут же перевернул тело и начал стягивать тужурку, она не стягивалась. Зачем она ему? Просто осмотреть карманы штанов и тужурки. Пусто, в тужурке лежала коробка из-под леденцов, она сразу переключалась в карман. Никакого рюкзака не было. Да и вообще ничего не было. Времени снимать обувь тоже не было. Нужно было тихо двигать отсюда. Но как? Данил по ночам тут не ходил. Решил двигать вверх по склону хотя бы метров пятьдесят. Вот урок на будущее, нужно с вечера просматривать, в какую сторону ночью бежать. А то сейчас можно только в новые неприятности влипнуть, куда идти, если толком ничего не видно. Хотя на самом деле было не всё так плохо. Глаза привыкли и различали очертания вполне сносно, только спешить не нужно. Не видно именно что под ногами, но тут вроде всё и так ровно. Он ушёл на приличное

расстояние и сейчас запнулся и упал. Причём упал удачно, в высокую траву. Очень хорошо было видно, как трава тянется к небу. Ну и ладно, тут до утра и решил задержаться. Лучше убежище он не найдёт.

До утра его никто не беспокоил, да и рассвет Данил проспал. Солнце было уже высоко. Потихоньку сел, осмотрелся. Ситуация была комичная. Ночью упав в траву, на самом деле в траву упала только его голова, а всё остальное туловище было на всеобщем обозрении. И он, осматриваясь в высокой траве, даже подумать не мог, что в ней лежит только голова. И он, как страус, спрятал только голову. Но никто не потревожил, а это главное. Вон, до этого какую чудесную нору нашёл, нет, всё равно кто-то чуть не наступил ночью.

Ниже по склону было пиршество пернатых. Странно, как Данила клевать не начали? Или пытались? Или они как-то отличают живых от мертвых? Нет, лучше всё-таки свалить отсюда, а потом раздумывать. И он привычно двинул дальше.

Постепенно незаметно трава стала зеленее и повыше. Завтракать не хотелось, по пути съел вишню из банки да попил воды из фляжки.

Как-то даже забыл про жестяную коробку из-под леденцов, пока случайно не стукнул рукой по ней. Ну, что там? Махорка с аккуратно нарванными бумажными листочками для самокруток. Ненужная ерунда. Данил, не задумываясь, высыпал содержимое, он не курил, ни к чему оно. А вот баночку оставил. До обеда никаких приключений, пару раз видел неприятности в виде летающих медуз, но заранее обходил их или ждал, пока улетят.

Он шагал почти по верху откоса дола, и потому видимость была отличной. Сейчас присматривал место для привала. А это что? Вдалеке виднелось непонятное, скорей всего железная дорога, вернее четыре вагона. Ноги сами понесли к тому месту.

Да, на самом деле посреди степи стояло четыре вагона. Вернее, три стояли и один лежал. Чем ближе подходил парень, тем больше видел подробностей. Три вагона, думкары. Как-то давно он был в командировке в депо на железной дороге, поэтому знал, как они называются. Возят в таких уголь или ещё какие сыпучие материалы. А вот четвёртый был товарный. Только вагоны все были какими-то маленькими, вернее короткими, всего с одной колёсной парой, и непропорционально большими колёсами. Как будто вагоны эти были с Дикого Запада. Понятно, думкары ничего интересного собой не представляли. Зачем Данилу уголь? А вот закрытый грузовой вагон определённо представлял интерес. Да даже как временное убежище можно использовать.

Вагоны перевозили не уголь, а обычный щебень, по крайней мере, из того, что перевернулся, высыпался именно он. Сквозь щебень проросла трава, да и колёса были заросшие. Видно, вагоны стоят тут не один год. А вот грузовой вагон был нетронутым, целым, закрыт на смешной замочек и пломбу. Как открыть замок, имея рядом груды щебня? Данилу как слесарю труда не составило, выбрал камень поувесистее, удар под нужным углом – и замок открыт. Ну пломба, конечно, сильнее замка обычно двери держит, но это там, где закон есть, а тут ржавая проволочка со свинцовым комочком смотрелась нелепостью. Но то, что написано на пломбе, он рассмотрел, похоже на греческие буквы. Но сложить эти буквы в слово никак не получилось. Засов откинулся легко, а вот дверь заклинило. Ничего, там с другой стороны ещё одна есть. Мелькнула мысль сесть поесть, а потом открывать. Но уж слишком не терпелось. Данил сбил замок и с другой стороны и, сдёрнув пломбу, отодвинул дверь. Сначала даже не понял, что это? Наполовину вагон был завален ржавыми пучками связанных металлических прутьев. Причём эти вязанки завалили противоположную дверь, а перед этой была пустота, похоже, вагон когда-то хорошо трянуло. Почему не полный? Так, наверное, перегруз по весу выходил. Железо тяжёлое всё-таки. Он подпрыгнул и, опираясь на лопату, залез внутрь. Так это же обычные вилы. Кованые навозные вилы, скрученные проволокой в пучки. Круто, Данил, наверное, богат, приподнял один пучок – килограммов двадцать пять, нет, далеко это богатство не упереть.

Вот если одни взять насадить и использовать как оружие. Хотя парень был не уверен в эффективности протыкающего оружия. Ну опять, если иссушенные незнакомцы нападают, то лучше лопата, а ещё лучше бы топорик. Хотя с топором против гиен плохо. Ладно, оружия много не бывает. Найдёт подходящее деревцо, сделает черенок. Еще одни без черенка прихватить, можно как кинжал использовать, обломать только лишние рожки.

Голод всё сильнее и сильнее начал напоминать о себе. Сопротивляться ему было бессмысленно, если в рюкзаке что-то лежит. Данил достал последнюю банку консервов и открыл. Хоть тут повезло – каша. Непонятно из какой крупы, но с мясом. Он отложил половину в пустую банку. Да, пустых банок уже полрюкзака набралось. Достал таблетку сухого спирта с таганком, ту, что входит в военный паёк. Два года назад съел этот паёк, а сухой спирт с таганком таскал всё то время в рюкзаке, наконец пригодилось.

Запах пошёл просто потрясающий. Вкуснее Данил каши не ел. Прихлёбывал горячей водой из маленькой земной консервной банки из-под гречневой каши. Красота. Закрыв дверь, первый раз после обеда он объявил сиесту, растянувшись на полу вагона.

Глава 6

Около вагонов практически ничего полезного так и не нашёл. Помня о том, что вагоны не могли попасть сюда без людей, Данил осматривал всё досконально и всё-таки нашёл место, где были люди. Для этого пришлось залезть на верх вагона для сыпучих грузов. А там поверх щебня была расстелена подстилка, правда от времени вся скукожилась. Рядом лежал музыкальный инструмент, похожий на... Он назвал бы её гавайской балалайкой. Правда, от дождей весь корпус инструмента вспучился, а струны проржавели. Но самое интересное, что тут нашёл парень, это вид сверху на местность. Эх, сюда бы бинокль. В траве сверху видно было всё. Вон какие-то тряпки валяются, вон колесо, а там что-то ржавое. А там вообще телега крестьянская стоит. Он потратил полтора дня, обходя всё замеченное, но почти ничего не нашёл. Только проел оставшуюся еду и сейчас был голодным уже больше суток.

Да, он находил какие-то вымоченные сумки с заплесневевшей одеждой, железные и деревянные запчасти разнообразных телег и механизмов, которые даже как дубинку использовать нельзя. Очень много было пустых консервных и стеклянных банок. Вообще эта местность нравилась Данилу, относительно безопасно, можно ночевать в вагоне. Много чего интересного вокруг разбросано. Но был один минус – ничего съестного. Даже в крестьянской телеге были только насаженные вилы, и больше ничего. Потаскавшись и с вилами, и с лопатой около часа, он запустил вилы подальше, ну тяжеловато таскать с собой лишний негабаритный груз. Но если не найдёт людей, пожалуй, сюда вернётся и сделает тут базу.

Попадалось тут и что-то интересное, в одном месте рядом со штанами и разбитым стеклом Данил нашёл бумажную книгу, размокший атлас автомобильных дорог. Но надписи были непонятны, а листы не все открывались. Но всё равно было любопытно посмотреть на карту из другого мира, хотя, если честно, она мало чем отличалась от земной. Те же дороги, те же города и сёла. Только печать сине-белая, а не цветная, и где обычно кружочки стояли, обозначая деревни, тут нарисованы звёздочки.

Ну и из полезного в одной сумке он нашёл массивную зажигалку на бензине. Зажигалка была выточена из бронзы довольно топорно. Бензин давно выветрился, оставив лишь запах, но колёсико исправно высекало сноп искр. Всё, больше ничего полезного он не нашёл, нет, конечно, банки и книгу перенёс в вагон, вдруг пригодится, может, и вернётся сюда.

Данил решил шагать дальше, по сторонам от дола тут было куда больше интересного. Но в доле была вода, и потому отдаляться от ручья он не спешил. Ручей по мере продвижения потихоньку расширялся, а потом зарос травой и заболотился. И теперь парню приходилось шагать по верху склона, так как внизу разрослась трава и продираться через неё было неудобно. Он топал уже часов шесть, и как-то неожиданно дол закончился, упёршись в речку.

Речка была метров восемьдесят в ширину, с высокими берегами, заросшими деревьями. Пробравшись до воды и кинув щепку в воду, путешественник понял, что находится не с той стороны дола, течение было в другую сторону, и теперь, чтобы идти вниз по течению, ему нужно было перейти на другую сторону дола. Только, как всегда, это было теперь проблемой, на дне дола протекала приличная речушка, и подходы к воде заросли болотной травой, так что воду не видно было. Это нужно опять возвращаться и переходить дол, где ручей не такой широкий. Хотя были варианты переплыть реку и идти по той стороне, или просто двигаться вверх по течению реки. Первый вариант был слишком рискованный, а второй имел меньше шансов найти человеческое жильё. А переплыть эту речушку Данил даже не рассматривал. Тут больше грязи, чем воды.

Он развернулся и протопал назад вдоль дола, с целью переправиться через него. Минут через сорок его победила лень. Зачем топать назад, когда можно просто пройти через дол? Да, травы полно, да, намочится, да, в грязи по уши будет, но не топать же шесть часов назад, потом

шесть часов вперёд? Решено, и парень свернул вниз, продираясь сквозь траву. По склону двигаться было терпимо, а вот когда спустился до дна, трава стала уже по грудь, но мешала движению не сама растительность, а то, что ничего ни видно под ногами, да, кроме того, полчища комаров. Почва хоть и проминалась под ногами, но была ещё сухая.

Теперь пройти полкилометра по дну дола, и будет подъём. Данил поднял руки и лопату над головой и, словно ледокол, пошёл сквозь зелёное море.

– Что тут сложного, иди и... Б...ь!

Данил полетел носом в траву. Под травой лежал ствол дерева, и он, ударившись голенью, перелетел через него. Упал мягко, больше испугался. В высокой траве лежать было хорошо, прохладно, но нужно двигаться дальше. Махать перед собой лопатой, чтоб не стукнуться о ещё один ствол, было невозможно, лопата запутывалась как в верёвках. Вновь задрал лопату над головой, осторожно поднимая ступни и ощупывая дорогу перед собой, парень продолжал идти, опасаясь новых стволов.

– Ничего, нас им не... Б...ь!

Нога попала в какую-то траншею, и Данил, ожидая препятствия сверху, вновь полетел кубарем. На этот раз почти сразу вскочил, ничего не став говорить, просто, сжав зубы, пошёл вперёд.

Третье, на что наступил искатель, было что-то мягкое, опомниться не успел, как ноги оплело кольцами и начало сдавливать, и самое страшное – кольца начали подниматься выше.

Змея. Вроде не слишком толстая, сантиметров десять-пятнадцать в диаметре. Длина вообще была непонятна. Но змея так удачно начала закидывать кольца, что Дания еле успел подставить руку, чтобы очередное кольцо не перехватило шею. Одна рука была прибинтована змеёй к туловищу. Тварь начала давить, сначала нежно, а потом пугающе. Паника чуть не захлестнула, но напор как-то остановился на этой силе и дальше не увеличивался. Змея была относительно мелкой, и парень оказался ей не под силу. Просто он наступил на неё, и она от испуга атаквала. Какие-то шансы у змеи, конечно, были. Но минимальные, и то если она удачно захватила бы шею. Но Данил этого не знал. И сейчас, бросив лопату, пытался свободной рукой достать складной ножик из кармана. Достал, только толку: он пару раз ударил каменное тело удава, бесполезно. Попытался зубами открыть лезвие. Но нож вылетел из рук, и парню пришлось изображать Самсона. Схватив какой-то конец змеи, начал с силой отрывать от себя. Получалось с трудом, но получалось, только вот он сам выдыхался, а змея нет. Оказывается, он тянул за хвост. Подтянул руку к груди, и кончик хвоста оказался перед ртом Данила. Силы у него были на исходе, и, не придумав ничего лучше, он сжал кончик хвоста зубами. Кольца моментально ослабли, и удав упал на землю и обиженно пытался уползти.

– Стоять!

Данил перехватил хвост в левую руку, подобрал лопату и попытался перерубить змею пополам, как корень. Зря он, конечно, это сделал, удар мало что разрубил, так, небольшой надрез сделал, а второй удар парень не успел сделать, удав закружился клубком и вновь оплёл его. Жертва нападения теперь не удержалась на ногах и упала, пытаясь обеими руками расслабить кольца. Крови из раны удава текло много, причём кровь была холодной, а может, просто вода выступала из мягкой подстилки. Данил вновь попытался повторить проделанное. Но не тут-то было, потому он просто переломил кончик хвоста. Кольца вновь упали. Парень подхватил лопату. Если удав уползёт, его уже не найти в траве. А пока он был в вытоптанном пятачке травы и стремился улизнуть. Вот теперь никаких рубок, только удар, чтоб череп разбить. Змея забилась в судорогах, второй удар сделать было невозможно. Просто удав катался, и попасть по нему было сложно, но Данил пару раз огрел его по тому, по чему достал. Удав ещё долго дергался. Тем временем парень, путаясь в траве, выкосил лопатой пятачок от травы побольше, чтобы на него не напали сородичи удава.

Наконец змея успокоилась. Добытый удав оказался маленьким, как так он его сразу не поборол? Да и весил килограммов тридцать от силы, а то и того меньше. Пару раз для профилактики стукнув его лопатой, Данил подобрал потерянный ножик и приступил к разделке. Хотя разделка – это громко сказано, отпилил половину, приподнял. Килограммов пятнадцать будет. Нет, не пойдёт, тяжело таскать, а холодильника нет. Отпилил ещё половину. Ну более или менее. Нужно спешить, до ночи обязательно следует перебраться на ту сторону, там и костерок разведёт, и жареного удава попробует. Вот только в рюкзак хвост удава не помещался, пришлось ещё резать на куски, как хворост. И выкидывать одну пустую банку из-под консервов. Жалко, конечно, было, но весь рюкзак и так был забит пустыми банками.

Море травы сменилось осокой, камышом и рогозом, последние два растения Данил до сих пор не знал, что есть что. Что всегда называлось камышом, благодаря интернету стало называться рогозом, и наоборот. Сейчас пробираясь сквозь эти заросли, хлюпая водой в кроссовках, путешественник невзлюбил только осоку, потому что порезался о её листья.

Наконец-то открылась чистая вода, ручеек оказался куда шире, чем он предполагал. Метров двадцать в ширину, целая речушка. И приткнутый к берегу стоял не то подарок судьбы, не то её наказание – железный понтон.

Понтон был сварен из трёх труб почти метрового диаметра. Квадратный, шириной и длиной был около четырёх с половиной метров. Палубы почти не было, всего около метра у одного края было застелено досками, а остальное не то кто-то скрутить успел, не то наоборот – не успели до конца застелить, но весь понтон выглядел как три сваренные трубы. Данил, конечно, чуть не побежал в его сторону. Но осторожность взяла своё, более крупного удава он не переживёт.

Вот только одним концом понтон сидел на мели, и столкнуть несколько тонн железа в воду было проблематично. Но парень с таким положением уже сталкивался. Забежал на понтон, пытаясь не сверзнуться на круглых боках труб. Добрался до застеленной площадки, разделся и, прыгнув в воду, начал качать понтон вправо-влево, а не вперёд-назад. И понтон освободился. Забравшись назад по наваренным скобам, запоздало подумал, что это было слишком рискованно, так опрометчиво прыгать в воду. Но зато у него сейчас имелось транспортное средство. Вышло бы только оно с этой речушки в большую реку. Если бы знал Данил, как сложно двигать этот понтон, то, наверное, плюнул бы и пошёл дальше, но уже втянулся, и не бросать же на полпути, да и речка наверняка будет за тем поворотом, ну или за следующим. Пешком же шёл через траву минут сорок, значит, где-то рядом речка.

В общем, до реки Данил с понтоном двигался два дня. Как это оказалось сложно, можно было судить по дырочкам на ремне, они закончились, и штаны начали спадать. Пришлось аккуратно ножом проделывать следующую, а потом ещё одну. Лишние килограммы веса просто улетучивались. Конечно, если грести лопатой как веслом, такая махина еле двигалась, сюда бы шест хорошо пошёл. Но такой длины шест тут был проблемой. Приходилось где-то дотягиваться до дна лопатой и, свесившись, отталкиваться от дна, а где-то грести. Да ещё появились хозяйственные нужды. Парень терял много времени на заготовку дров. Тут из воды кое-где торчали сухие коряги, и он, подгребая к ним, обламывал всё, что мог.

Хорошо, на понтоне трубы сварены между собой перевернутыми швеллерами, в которых можно было развести, как в мангале, костёр, и Данил там сразу жарил всё мясо удава. Точнее сказать, что-то сжёг, что-то недожаривал. В целом за два дня удав закончился. И парень очень пожалел, что не взял удава целиком, побоявшись, что он протухнет. Правда, в камышах он выловил плавающую банку консервов, банка была плоской и большой, больше килограмма. Один недочёт – банка была вздутой.

И вот сейчас, когда Данил сплавлялся вниз по реке, всего лишь к вечеру третьего дня вздутая банка консервов стала выглядеть совсем нестрашно. Нет, конечно, про ботулизм он слышал, но рассчитывал побороть бактерии, перекипятив содержимое консервы. Конечно, его

действия были не верны. Страшны не бактерии, а токсин, который вырабатывали бактерии. Попросту говоря, консервированная еда пропитывалась ядом, и кипячение, скорей всего, его бы не спасло. Но он этого не знал, и уж очень хотелось кушать. Но его спасло то, что консервы были уж слишком просрочены.

Данил взял нож и смело воткнул в крышку, собираясь её открыть. Тухлый фонтан под давлением начал забрызгивать всё вокруг, включая парня, который успел только отвернуться и спасти лицо от попадания тухлых брызг. Но банка оказалась хитрее. Фонтан неожиданно пропал так же, как и начался, но лишь на секунду, видно какой-то кусочек заткнул проделанную дырку изнутри. Этого времени хватило, чтоб вновь увидеть, как давление внутри консервной банки выбило временную пробку, и фонтан со звуком «пр-пр-пыр» вновь начал забрызгивать всё вокруг. На этот раз лицо спрятать не удалось. Он что было силы зашвырнул банку как можно дальше. Банка, улетев в воду, закружилась на реактивной тяге, разбрызгивая содержимое.

Вот это было неприятно, маслянистые капли и тухлые кусочки рыбы заляпали всё в округе. Запах стоял такой, что, было бы чем выворачивать, Данила бы вывернуло. Отмывая весь оставшийся вечер себя и понтон, он твёрдо решил, что просроченные консервы есть точно не будет, каким бы голодным ни был. Правда, маркировка тут неизвестная, но всё равно не будет.

Вот только наступала ночь, а всю одежду «турист» постирал, поэтому решил потратить запас дров и разжечь костёр.

Понтон плыл по течению, посередине реки, не слишком быстро, но лучше, чем идти пешком, а главное, как показалось Данилу, безопаснее. Как вдруг раздался всплеск. Всякий звук теперь настораживал парня, и он заозирался. В свете костра в прозрачной воде показались спины рыб. Точно! Он где-то читал, что какие-то аборигены так рыбачили: зажигали факел на лодке, на свет приплывала рыба, и они били её копьём. Эх, жалко, вилы все повыкидывал, ведь как знак был, возьми с собой, ан нет – тяжело тащить. А теперь у него нет копья.

Данил схватился за верную лопату, но спины были под водой. И сейчас попробовать оглушить – это только распугать. Нужно ждать, терпение, ещё раз терпение. Вот одна метровая спина показалась над водой, парень не выдержал и ударил. Рыбина дернулась и повернулась на бок. Он, отбросив лопату и чувство опасности, спрыгнул в воду, сразу обнимая рыбину и прижимая к груди. Нет, сейчас очнётся, уйдёт. Данил, прижимая к себе рыбину, тут же начал просовывать руку под жабры, надевая рыбину на предплечье, как на кулан. Только сейчас он понял, что идёт ко дну, и схватился свободной рукой за швеллер. Рыба очнулась и начала дергать, да так, что чуть руку не оторвала, но нет, он её уже не упустит. Потихоньку перебирая руками, подгадывая между рывками рыбы, подобрался к скобам. А вот подниматься было сложно, дополнительно килограммов семь, да ещё трепыхались. Всё предплечье уже было ободрано.

Вопль, который разносился по воде где-то дальше, придал сил, и горе-рыбак выскочил на узкую полоску досок. А вот дальше не легче, рыбу нужно было срочно умертвить. Был сплошной садизм и издевательство. Был бы ножик побольше, а так Данил натурально издевался, пытаясь добраться до мозга рыбы через глаз. Но снять с предплечья рыбину он не решался. Слишком узкая полоска досок на понтоне, одно неверное движение, и добыча уйдёт. Наконец-то рыбина затихла, и как раз угли прогорели.

Кстати, прогорели не только угли, прогорели носки и майка, лежащие слишком близко к костру. Носки определённо выкидывать, а в майке зияла дыра с кулак. Но ничего, зато есть что поесть. А можно ещё тонко ломтиками рыбу нарезать и сушить на солнце, отгоняя мух.

Данил сплавлялся по реке уже неделю. Неделя ничегонеделания... Изредка подплывал к берегам, набирая дров. Лопатой больше глушить рыбу не получалось. Но он изготовил что-то

похожее на острогу, заточив кончик сухого шеста ножом; пытался обжечь на костре, но только испортил. Ножом острога затачивалось острее. А после обжигания кончик был тупой, полукруглый. Конечно, тоже так себе инструмент получился, которым и пользоваться ещё нужно уметь. Но где-то с пятого раза только смог рыбину насадить. Проблема с продовольствием более или менее решилась. Конечно, сразу захотелось соли и разнообразия в питании.

Обувь тоже пришлось выкинуть, следом за порчей носков кроссовки, вымоченные в воде, не выдержали. Данил споткнулся о швеллер, когда дрова заносил на понтон, и подошва отлетела. Пришлось обувать трофейные полусапожки, используя тряпки, в которые была завернута колбаса и сухари, как портянки. Потеря майки тоже была не критична, он нормально ходил в туатурке на голое тело, так было даже удобнее, ветерок в жару продувал.

И вот теперь он дремал, растянувшись на досках, вокруг сушились тонкие кусочки рыбы. Подложив под голову рюкзак и накрывшись панамкой, парень наслаждался жизнью.

Показалось, что снится журчание воды. Ан нет, не снится. Порог... Данил как-то по-другому представлял себе речные пороги: это когда скалы, бурлящая вода, брызги... В общем, перед ним было совсем другое, но явно порог. Одна плоскость более широкой реки, абсолютно ровной воды, потом обрыв в воде под девяносто градусов, и следующая плоскость более узкой реки, но уже сантиметров на двадцать ниже. И никакого бурления, спокойная вода. Зрелище завораживало, и очень быстро приближалось. И именно это правильнее назвать порог, чем те завихрения на горных реках. Потому что это выглядело именно как порог.

Парень на всякий случай надел пустой рюкзак, так как скарб был весь разложен по понтону, и взял лопату в руки, больше ничего сделать не успел.

Понтон навис над обрывчиком реки, всего-то двадцать сантиметров перепад, должен проскочить. Но понтон резко пошёл вниз. Удар в дно реки. Что было дальше, он не видел, поскольку полетел по дуге, запустив свою любимую лопату ещё дальше, чем пролетел сам. Плюхнулся в воду, его закрутило... Да, внешне вода была спокойна, но на самом деле тут были буруны и течения. И Данила болтало и крутило, словно щепку в канализации. Наконец-то реке надоело с ним играть, и он обессиленно выполз на берег. Шум, кажется, стал сильнее. Точно, понтон застрял на пороге и сейчас на треть торчал из воды. Вода же с шумом пыталась опрокинуть препятствие, заворачивая вокруг него буруны.

Эх, жалко, прощай, спокойная жизнь, дальше только пешком. Если поток не справляется, ему и нечего мечтать столкнуть понтон. Это в воде сооружение плавает, а на воздухе пару тонн весит. Елки-палки, фиг с ним, с понтоном. Верная лопата ко дну ушла. Парень почувствовал себя словно раздетым.

Подсушив портянки на солнце и выбрав сучок покрепче как дубинку, Данил двинулся дальше. Шлось хорошо, травка невысокая, солнышко хоть и было в зените, но уже привычно и не жгло. Местность хоть и изобиловала складками, но идти было легко. Он уже отвык за неделю от пеших прогулок. Новые полусапожки сидели как родные, портянками умел накручивать, поэтому чуть только сбивались, но он не ждал, когда ногу натрёт, а сразу перематывал.

Через пару часов ходьбы внимание притупилось, и он чуть нос к носу не столкнулся с рыжей девчонкой, лет двадцати. Несмотря на жару, одета она была в чёрную кожаную броню байкеров и держала винтовку наперевес. Волосы у неё были не мыты и свисали сосульками, что очень ей шло, вкупе со вздернутым носиком и яркими веснушками. Данил даже залюбовался, тем более что чёрная кожа обтягивала идеальную фигуру. Взгляд девчонки блуждал по земле, она что-то выискивала в траве. До неё было метров пятьдесят, и парень сначала испугался, вдруг нежить какая. Нет, явно живая. Он, радостный, пошёл к ней, неужели встретил живого человека и его мытарства закончились. А что она тут одна делает? Данил спокойно подошёл к ней метров до десяти и сказал:

– Привет.

Выстрел оглушил его. Сизый дым клубом вылетел из ствола. Девчонка явно испугалась, она не видела Данила и нажала на спусковой крючок от испуга, и хорошо, что ружьё смотрело куда-то в сторону. Но сейчас она направила ружьё на него и собиралась стрелять.

– Стой, стой, не стреляй.

Парень, бросив дубинку, задрал обе руки, причём руки тянулись вверх сами.

Выстрел. Горячая волна шевельнула волосы. Пуля прошла где-то рядом. Он сайгаком прыгнул за бугорок. И буквально вжался в него всем телом.

Щелчок, ещё щелчок.

Раздался топот.

Мужской голос спросил что-то на непонятном языке. Девчонка испуганно прокричала что-то в ответ и, скорей всего, показала пальцем.

Выстрел. Пуля ударила где-то спереди, обдав парня землёй. Нет, похоже, она показала не пальцем, а стволом. Мужской голос что-то прикрикнул, девчачий ответил обиженно. Данил надеялся, что девчонку ругают за стрельбу.

– Не стреляйте! – заорал Данил.

Мужской голос прокричал короткий приказ, это, наверное, предназначалось парню и обозначало «выходи».

Ищите дураков. Не выйду! Данил сильнее вжался в бугор.

Мужской голос повторил то же самое, только ещё что-то добавил. Похоже, что сказал «выходи, не тронем».

Парень, поднимая руки вверх, медленно выдвинулся из-за бугорка. Ого, да тут двенадцать человек, и все стволами в него тычут. Где они все были? Почему Данил не видел никого? Ну правильно, он таранился на рыжее солнышко с курносый личиком. Которое до сих пор злобно поблёскивало зелёными глазами в его сторону.

Седой мужик в такой же байкерской одежде вновь что-то сказал командным голосом.

– Я не понимаю.

Седой повторил с нажимом. Крутанул стволом. Что он хочет, чтоб Данил на землю лёг? Навряд ли. Повернуться? Скорее всего. Парень медленно повернулся. Чьи-то руки обыскали его. Вынули из карманов штанов зажигалку и ножик. Потом дружески похлопали по плечу и развернули. Все уже стояли с поднятыми к небу стволами, но не расслаблялись.

Седой вновь протарабарил на непонятном языке, и все начали активное обсуждение. Данилу вернули ножик и зажигалку. А чуть позже дали краюху хлеба и кусок копчёной колбасы с горячим чаем из термоса.

Он поблагодарил и начал жевать колбасу с хлебом. Вот только, поднеся крышку термоса с чаем к лицу, ужаснулся, потому что увидел своё отражение, заросшее, бородатое. Понятно, почему в него девки стрелять начали.

Глава 7

Беготня закончилась. Что будет дальше – неважно. Главное, Данил встретил людей. И теперь с интересом рассматривал их. Обычная разношёрстная толпа, восемь мужиков и четыре женщины. Возраста были все разного, кто-то начинал лысеть, у кого-то был пивной живот и одышка. Одежда тоже была разная, единственное, касок не было ни на ком, даже шапки были не у всех, хотя солнце тут пекло. И конечно, попаданец подметил несуразность: почти на всех кожаная броня сидела как на корове седло, и абсолютно все сжимали оружие так, как будто первый раз это оружие в руках держали, при этом изредка проводили стволами мимо человека. У Данила было стойкое чувство, что это работники какого-то офиса выехали на уик-энд поучаствовать в приключении. Только рыжая выглядела стильно в своём одеянии, будто шили ей на заказ. Ну и главный выделялся среди этой толпы подогнанной бронёй и тем, что ружьё держал на плече.

Седой мужик, где-то за сорок, с почти круглым лицом и крупным носом картошкой, носил короткую стрижку, усы и бороду, и всё это было седое, почти белого цвета. Седой был чуть ниже среднего роста и одет в серые штаны и чёрную броню. Броня так или иначе была на всех, но натурального цвета кожи. И только у седого и у рыжей девушки была броня чёрного цвета. Местная броня была похожа на прикид байкеров, точно с такими же блестящими пряжками и множеством бесполезных ремешков и заклёпок. Вот только у байкеров были жилетки, а здесь полноценные куртки, усиленные железными вставками на рукавах.

Седой любил говорить, видно было, что ему нравилось всеобщее внимание. Что он говорил, Данил не понимал. Но по интонации и тому, как остальные кривились, было видно, что Седой чему-то поучает, причем поучает он очевидным вещам, которые и так всем известны. Почему окружающие не пошлют его, не совсем понятно. Похоже, он выступал среди них гидом или организатором.

Но было в этом гиде что-то неприятное. Скорее всего, взгляд, он его постоянно прятал. И Данил никогда бы не связался с этим человеком, уж больно он похож на мошенника. Хотя, возможно, это просто субъективное мнение. Потому что с такой внешностью мошенником быть никак нельзя, слишком очевидно. Скорее всего, человек был просто эгоистом и любил грести всё под себя. Постоянные монологи Седого это подтверждали, он просто никому не давал вставить слово.

Что с Данилом будут делать дальше, неизвестно, могут и в рабство продать, местных порядков он не знал. Потому как бы не был благодарен встретившимся людям, он присматривался к их оружию. Скорее всего, это были охотничьи ружья, потому что почти у всех имелись горизонтальные двустволки. Правда, цевьё и приклады ажурно футуристические. Не кусок цельного пластика или дерева, а вырезанные рёбра, проушины, да и просто отверстия непонятного назначения. Парень изломал всю голову, для чего они сделаны, и пришёл к выводу, что это чисто декоративные штучки, ну и, возможно, для снижения веса. Помимо красивых прикладов были планки, на которых навешано всякого, и дополнительные ручки, и фонарики, и прицелы, похожие на коллиматор. Конечно, все были увешаны интересными подсумками, патронташами и рюкзаками. Помимо ружья у всех на поясе или спине висела метровая палка с увесистой гайкой на конце, видимо, какой-то аналог палицы. У кого-то эта гайка имела шипы, у кого-то была похожа на шестопёр. Парень прикинул потенциал этого оружия, пожалуй, при всей простоте это было идеальное оружие против высохших незнакомцев. Он сам лучше успокаивал бы их с одного удара, такая вещь череп проломит однозначно.

Ну и, конечно же, здоровенные ножи, которые висели у кого где: то на груди, то на предплечье, а то на голени возле ноги. На поясе почему-то ножи не таскали.

Данилу интересно было посмотреть на местное боевое оружие, если охотничье такое интересное. Кажется, местный мир по технологиям превосходил земной.

Вдруг Седой захлопал в ладоши и начал раздавать указания. На непонятном языке. Но движение его пальца в переводе не нуждалось.

– Та... – Его палец упирался в грудь очередного человека. Наверное, это слово обозначало «ты».

– Овамо. – Его палец показывал направление. И человек двигал в ту сторону. А это слово значило «туда».

Постепенно его палец дошёл до Данила с рыжей девушкой. Он по очереди ткнул в них пальцем.

– Та, та...

И показал в самую середину разошедшихся по сторонам людей.

– Овамо.

Ну всё верно, самую молодую, да ещё и с найдёнышем Данил тоже отправил бы в середину строя. Но так думали все, но не рыжая. У неё было своё мнение на этот счёт. Что тут началось! Рыжая, тыча в него пальцем, на повышенных тонах доказывала свою правоту. Она около пяти минут что-то выговаривала Седому.

Вот тут Седой вырос в глазах Данила, всё-таки внешность бывает обманчива.

Седой молча выслушал, потом показал пальцем и тем же тоном, с той же интонацией проговорил:

– Овамо.

Рыжая развернулась так, что волосы веером разлетелись. И зашагала в центр поля. Девушка явно была недовольна тем, что её поставили присматривать за найдёнышем. Парню ничего не оставалось, как пойти за ней. Она шла, тихо проклиная его и Седого на непонятном языке.

Данил попытался что-то сказать, но получил такую гневную тираду, что решил – да и фиг с ней. А и ладно, пусть она ходит кругами, выискивая непонятно что, а он сядет и посидит, а лучше ляжет. Жалко, тенька нет.

Но не тут-то было, как только Данил присел на рюкзак, к нему подлетела рыжая девица и чуть не пинками заставила идти рядом с собой. Молодая особа оказалась очень ответственной. Раз сказали следить за найдёнышем, она будет следить за найдёнышем.

Разговор не получался. Любые попытки Данила встречало высокомерие. Он быстро плюнул, подумаешь – королева. Ну да симпатичная, фигуристая. Но отношение к людям, будто ты грязь из-под ногтей.

Поэтому, чтобы не чувствовать себя вторым сортом, парень прекратил все попытки установить контакт и сосредоточился на поиске. Всё-таки он поисковик как-никак. У рыжей изначально была неверная стратегия, она ходила по полю абсолютно бессистемно: шла быстрым шагом, держа ружьё стволом вверх и поглядывая под ноги. Понятно, что Данил шел бы помедленнее, змейкой. Или по спирали. Обыскивая каждый квадрат, уделяя особое внимание бугоркам и ямкам. Но ему этого никто не позволял; они ходили туда-сюда, очень часто проходя по одному и тому же месту. Но, проходя мимо бугорка, парень обязательно подходил в его сторону – осмотреть, что там. И естественно, не доходя до очередной ямы, он нашёл разбитое колесо от деревянной телеги. Тут не нужно быть следователем, чтобы восстановить картинку из прошлого: кто-то гнал на телеге во весь опор, налетел на яму, колесо разбилось, вывернув ступицу, и здесь остался обод и часть спиц. А кто-то уехал дальше на трёх колёсах. Возможно, и бросил телегу в ста метрах отсюда, но её уже давно нашли и забрали. Значит, самое интересное нужно искать около самой ямы. Ведь если так сломалось колесо, значит, телега была гружёная. Телегу трянуло так, что большая вероятность, что с неё что-то вылетело. Конечно, это мог быть и навоз, а могло и что-то интересное быть. А подойдя ближе, Данил увидел, что

это не просто яма, а неглубокая траншея длиной всего метров двадцать. Кому потребовалось рыть неглубокую траншею поперёк поля?

Рыжая, не видя, что нашёл парень, начала возмущаться, показывая стволом, чтобы подошёл к ней. Он приподнял железный обод колеса с остатками дерева. Девушка сразу заинтересовалась. Осмотрела обод, показала жестами взять его и идти за ней. Данил жестами возразил, указывая на траншею. Рыжая посмотрела в ту сторону, направила ствол на него и показала в свою сторону.

Нет. Определённо, тут с оружием обращаться не умеют. Направляет заряженное ружьё на человека, тем более что стрелять не умеет. Данил психанул, взял обод и покатил его за девицей.

Ого, да они металлолом тут собирают, что ли? Данил скинул обод в жидкую кучку металла, где валялись пара ржавых лопат, лемех от сохи и пара валов от сельхозтехники.

Эх, сюда бы металлоискатель, Данил бы тут самым богатым человеком стал. Но нет, тут искали явно не металл. Раздался чей-то радостный крик, и все пошли смотреть, что там нашли. Среди лошадиных костей нашли почти целое седло и седельные сумки. Вот в них и лежали жёлтые кругляшки. Данил хоть и занимался приборным поиском, но золотых монет не видел. А эти были маленькие и очень тонкие, не чешуя, конечно. Но он представлял золотую монету толстым большим кругляшком. Все искренне хлопали счастливого по плечу, поздравляя. Только Седой что-то пробурчал и посмотрел с завистью, с трудом отводя взгляд от кругляшков. И рыжая девица была очень недовольна. Она первая пошла искать дальше, увлекая найденыша за собой. Вот только она пошла не на старое место, а отправилась обыскивать сектор счастливого. Данил шёл за ней как хвостик, размышляя, кто тут мог съесть лошадь. Отгадка ждать себя не заставила.

Как будто трос выдёргивали из-под земли. Земля строго по прямой линии вспучивалась и оседала, будто тянулась за невидимым тросом. Вот только ровно по той линии стояла девица. Выстрел, Выстрел. Щелчок.

Да что она делает? Стреляет в землю. Нужно отойти в сторону, подождать, кто оттуда выпрыгнет, а потом стрелять. Хотя у неё вновь кончились патроны, и она щелкает курком, не понимая, почему ружьё не стреляет.

Данил сорвался с места, всем телом толкнул девушку, вырывая у неё ружьё и оставаясь на линии вспученной земли. Как раз вовремя – из земли выскочил громадный крот, вместо носа у которого был цветок из щупалец. А два зуба были размером с небольшую лопату. Неизвестно как парень схватил левой рукой в полёте почти стокилограммовое тело за то место, где должна быть шея, перевернул в воздухе крота и приложил спиной о землю. Тут же перехватив обеими руками ружьё за ствол, размашистым движением, как дубиной, ударил по кончику носа твари, где шевелились щупальца. Резной приклад брызнул бакелитовыми брызгами и разлетелся, оставив в руке парня голые стволы. Нафига эта красота, если теряется прочность? Дубинка стала короче, крот затих, но Данил и не думал останавливаться. Замах. Но что-то не дало закончить удар. Его что-то стукнуло в левую руку так, что откинуло от крота. Потом он услышал выстрелы. А лишь затем почувствовал, что бок заливает тёплым. И вот только спустя время, когда кто-то рядом истошно орал, до него дошла боль. Кажется, он попал под дружественный огонь, не зря ему сразу не понравились местные стрелки.

Рыжая, увидев, что стало с её ружьём, принялась ругаться, поднимая обломанные стволы. Она даже не посмотрела на напарника. Остальные стояли с белыми лицами, не зная, что делать, и думая, что парня убили, ведь бок куртки заливала кровь. И только одна девушка, на которую Данил не сильно обращал внимание, так как остальные представители женской части отряда были хоть и постарше, но поухоженнее, подлетела к парню, заставив убрать правую руку от раны. Ой как страшно это было делать, что там за рана, он не знал и очень боялся увидеть, что там стало с рукой. Тем временем девушка профессионально срезала с Данила рукав куртки, достала из подсумка жёлтый порошок в бумажном пакете и присыпала рану. Рана показалась

страшной, с разорванными краями. Но то, что рана явно поверхностная, радовало, значит, должна быть царапина. Данил отвернулся, потому что его мутило от вида крови.

Дальше девушка споро перебинтовала рану. Когда рану обработали, ему стало морально полегче, подумаешь повязка с небольшим красным пятном. Девушка что-то успокаивающе говорила, что очень помогало, даже лучше бинтов. А еще, достав пакетик с порошками, она высыпала раненому на язык жгучую субстанцию, дав запить водой. Таких обезболивающих парню пить не приходилось. О боли забыл напрочь, потому что жгло язык, как будто в кипяток его засунул.

Кажется, и до рыжей девицы дошло, что случилось, она пробубнила что-то похожее на извинение.

Только вот теперь ему она не казалась очень красивой. Да даже больше, если и подойдет он к ней, то только в последнюю очередь. А вот невысокая скромная девушка с черными волосами нравилась ему всё больше и больше, хоть и одета она была неброско. Только вот к ней подошёл один из парней, тоже одетый по-простому, обнял и что-то проговорил. Ясно, тут ничего не светит. Он вслушивался в их разговор и по тому, как девушка прячет глаза от Данила, а парень, наоборот, поглядывает, понял: они потратили последние деньги, чтобы попасть в эту компанию, а сейчас еще истратили арендное оборудование на лечение найденныша. Данил одной рукой нащупал хабарницу, где хранились монетки, которые он нашёл около идола. Подозвал девушку и вручил ей серебряную монетку. Было неизвестно вообще, имеет ли такая монета ценность. Но толстый кругляшок серебра должен определённо чего-то стоить. Девушка, конечно, сопротивлялась, но в итоге взяла. И её лицо разгладилось, даже появилась улыбка. Пусть даже монетка ничего не стоит, попаданец успокоил свою совесть. Даже парень девушки одобряюще кивнул ему.

Дальше про раненого все забыли. Кто подстрелил его, наверное, не знал никто, потому что, как оказалось, все стреляли в крота, а кто конкретно был самым метким – неизвестно, даже тот, кто стрелял, не догадывался. Данил заглянул в траншею. Дальше траншеи в землю уходила нора всего сантиметров тридцать в диаметре. Как по ней полз почти метровой толщины крот, было непонятно. Возможно, крот мог так вытягиваться, а возможно, именно поэтому земля вздыбливалась по мере его движения, что он залез не в свою нору.

Седой начал разделять тушу животного, снимал шкуру, выкидывая требуху, и разделял мясо, фасуя его по мешочкам, которые достал из рюкзака.

А вот Данил сидел на земле, и ему было не по себе, и не от раны, а оттого, что он в воздухе перевернул в полёте одной левой около ста килограммов массы. Да, конечно, он только подправил полёт, как в единоборствах, используя силу противника против него же, – в экстренных ситуациях человек и не на такое способен. А может быть, в нём просыпается зараза, про которую говорил идол?

До конца дня оставалось примерно часа четыре, и все паковали всё что можно в рюкзаки. Данил подумал, что сейчас самое время и за туристами приедет автобус. И автобус не заставил себя ждать, только парень думал, что его тут уже ничего удивить не может, а оказалось, может. Автобусом был транспорт, похожий на таракана. Попаданец наконец-то осознал, что находится в другом мире.

Шесть механических конечностей соседствовали с деревянным кузовом и кабиной. Деревянный кузов с решетчатыми бортами свисал позади ног, ещё больше усиливая сходство с тараканом. А головой «насекомого» была кабина-клетка, на Земле в таких спускают аквалангистов к опасным акулам. Ясное дело, Данила, как технаря, заинтересовало устройство сего агрегата. Он, конечно, следил за земными нестандартными в технике и знал, что на Земле выпущен лесозаготовительный харвестер на шести ногах. И даже продаются разнообразные игрушки – шагающие роботы. Да и сам парень в детстве начинал делать модель шагающей машинки,

другое дело, что не доделал, но вот тогда приходилось изучать предмет. И он увидел сразу отличия: земные машины были чрезвычайно сложные, если ему не изменяет память, то ноги земных шагоходов имеют до восемнадцати степеней свободы. А здесь всё примитивно, больше всего похоже на его недоделанную игрушку: две степени свободы, ноги могли двигаться только туда-сюда, и трубчатые, телескопические конечности имели простейшую амортизацию, то есть могли сдвигаться вовнутрь, если налетали на препятствие.

Приводилось всё это в движение посредством продольных тяг-рычагов, которые в свою очередь двигал кривошипный механизм. Было настолько всё просто, что вся система напоминала привод паровоза, даже шарниры лап приклепаны к раме большими заклёпками, что ещё больше усиливало сходство. Данил знал, что такая система двигается только прямо, если и поворачивает, то очень плохо. И вот он с интересом смотрел, как местные инженеры обошли эту проблему.

Шагоход тем временем подбежал к их группе. Через решётчатую кабину было видно, как водитель надавил на педаль и потянул один из двух рычагов на себя. Лапы шагающей машины с левой стороны замерли в положении, когда две крайние подняты и одна средняя опирается на землю, с правой стороны лапы продолжали перебирать. И шагоход, как танк, развернулся на одном месте. Так просто? Данил этого не ожидал. Они просто притормаживали одну сторону, понятно, на скорости такое не прокатит, и поворот явно должен синхронизироваться минимум на один оборот кривошипа, иначе шагоход на ходу споткнётся и зароется носом. А это значит, что шагоход может поворачивать только на определённый угол, к примеру, кратный тридцати градусам. А тогда как же он подруливает? Парень понял, что сейчас его мозг просто взорвётся. Нужно больше информации. Тем более что железки и мясо уже загрузили в узкий кузов. И найденыша приглашали залезть туда же. Кузов был очень узкий, по бортам имелись откидные лавочки, такие же, как в военном ЗиЛе. Только в нем, когда сидишь, не соприкасаешься коленями с сидящим напротив человеком. Хоть рыжая девица села в кабину к водителю транспорта, а мясо и железки распихали под лавки, кузов был рассчитан на восемь человек, не более. И приходилось сидеть чуть боком, чтобы уместились все. Тем более что Данила пару раз задели по ране, они-то были в коже, а он только в повязке. Он и так сел боком, выставив левое плечо вперёд.

Шагоход приподнялся на лапах... Ага, всё встало на свои места: составные конечности были из двух частей, верхняя часть условно гильза, а нижняя поршень, и туда закачивался воздух. Теперь понятно – при ударах всё это работает как пневморессоры. А если, допустим, левые конечности чуть подпустить, то они будут чуть короче правых, а следовательно, шагоход повернет влево. Значит, у транспорта два управления, одно для крутых поворотов и второе для плавных. Данил посмотрел на водителя через решётку, так и есть. Водитель держал руки не на рычагах, а на небольших кнопках справа и слева от себя.

Когда шагоход разогнался, начало так трясти, что у всех головы маячками стали повторять движение раскачивающейся шагающей машины. А деревянная сидуха начала подкидывать так, что парень уже хотел попроситься идти пешком. Но шагоход вышел на крейсерскую скорость километров в двадцать пять, и тряска почти не ощущалась, если только одна из лап не попадала в большую яму или задевала бугор. Тогда всех подбрасывало так, что было ощущение, будто приземлятся все не на лавку, а уже за борт, под семенящие лапы. Сюда бы ремни безопасности или хотя бы ручку, чтобы держаться, а то лавочка, за которую все держались, так и подлетала вверх вместе со всеми. Конечно, после каждой хорошей кочки все дружно ругали водителя, а тот только смеялся, и возникло подозрение, что специально эти кочки выбирал.

Как-то у Данила поубавилось веры в превосходство местных технологий над земными. Хоть он и не знал, что там за двигатель стоит, но судя по тому, что слышно было только жужжание и лязг, скорее всего электрический.

Неожиданно шагоход выскочил на натопанную дорогу, где прошёл встречный транспорт с прицепом. Кстати, у прицепа были обычные колёса, и для чего местные так изгалялись с шагающими машинами, непонятно.

Прямо по курсу на верху холма появилась средневековая невысокая башня, от которой в разные стороны шёл земляной вал, и только возле башни имелся проход в нём. Несмотря на медленную скорость, уже минут через десять шагоход был у башни, которая вблизи оказалась очень широкой, поэтому и возникало впечатление что она низкая. Башня построена явно не вчера, камень был изъеден временем и имел следы бывших осад. Около башни виднелся блокпост, выложены блоки и сделаны деревянные укрепления. Даже стоял шагоход-бэтээр, который был полностью обшит железными листами и имел башенку с крупнокалиберным пулемётом. Водитель на блокпосте не остановился, лишь приветственно махнул караульным.

Не успел Данил рассмотреть местные укрепления, как под холмом открылся более интересный вид: на стрелке двух рек располагался небольшой городок, с земляными укреплениями в форме углов. Вокруг города располагались одинаково ровные и разноцветные квадраты полей и садов. Эти поля, наверное, были самым красивым зрелищем. Некоторые поля были чёрными, другие желтые или красные, но большинство зелёные. В итоге получалось разномастное лоскутное одеяло, но выглядело реально красиво.

Шагоход побежал вниз по склону, среди полей и садов. Данилу не терпелось уже приехать, хоть впереди его ожидала полная неизвестность. Но сидеть надоело как пятой точке, тело уже затекло, так и носу. Скученность тел, одетых в кожу, не способствовала благоуханию фиалок. Особенно воняла плохо выделанная кожа, вечерний ветерок спасал от этого плохо, и, по мнению парня, все мечтали поскорее доехать, а то и вообще дойти остаток пути пешком.

А вот и вторая линия обороны около земляных валов, блокпост на въезде в город. Тут укреплений было поменьше, но по сторонам от дороги натянуты ряды колючей проволоки, и рядом стояла вышка, из которой торчал ствол крупнокалиберного пулемёта.

Шагоход начало трясти, он замедлил ход и остановился, хотя караульный равнодушно стоял под грибком и никакого внимания к шагающей машине не проявлял. Седой, спрыгнув с борта, пошёл разговаривать с караульным. По взглядам, брошенным в сторону Данила, он понял, что говорят про него. Караульный что-то прокричал в трубу, нет, не трубку телефона, а именно в трубу, конец которой торчал из земли, прислушался. Потом Седой махнул найденышу, чтобы подошёл. Вот только Седой с краю сидел, он раз – и спрыгнул. А парню пришлось продираться сквозь колени сидящих, естественно, кому-то наступая на ноги, а кого-то толкая. Наконец-то он спрыгнул на землю, поморщившись от боли в руке. Седой пальцами объяснил, чтобы ждал тут, хлопнул по правому плечу и пошёл к шагоходу.

Шагоход тронулся, вдруг закричала что-то девушка, та, что делала парню перевязку. Шагоход остановился, началось какое-то обсуждение. Седой спрыгнул, открыл борт, достал один мешочек, куда разложили мясо. И, вернувшись к Данилу, с таким недовольным лицом передал ему мешок в руки. Мяса было килограммов пять, не меньше. Седой, хлопнув ещё раз парня по здоровому плечу, вернулся, и шагоход ускакал дальше, оставив его стоять рядом с караульным.

Глава 8

Наступали сумерки. А караульный всё ещё что-то кричал в трубу, потом вслушивался в ответ. А потом, прикладывая одну руку к другой, показал чисто российский неприличный жест трубе. Всё это повторялось уже не один раз.

Зато Данил рассмотрел снаряжение и вооружение военного – кто ещё мог стоять на посту? Ополченец? Милиционер? Возможно, но ополченец тоже должен быть вооружён не охотничьим оружием. Хотя были сомнения. Парень склонялся к тому, что стоял ополченец, так как имелось явное нарушение устава, и не одно. Хотя попаданец и не знал местный устав, но то, что кожанка висела на крючке, а не была надета на часового, являлось явным нарушением. Да и редкие проезжающие или пробегающие редкие машины совсем не интересовали часового. И да, оказывается, тут были машины и на колёсах. Почему местные использовали шагоходы, не совсем понятно, хотя основной проезжающий транспорт был гужевым, но и на него часовой никак не реагировал, хотя, по логике, должен заглядывать в кузова и телеги.

Из оружия у часового были всё та же палка-палица и очень интересное ружьё. Данил сказал бы, что автомат, так как под цевьём виднелся объёмный диск, отдалённо похожий на диск ППШ, только этот диск был овальным. Но чего не могло быть на автоматическом оружии, так это архаичного курка, который нормально бы смотрелся на кремневом ружье, но никак не на автоматическом оружии.

Одет же был часовой в синий комбинезон без рукавов, но с какими-то нашивками на груди, что усиливало сходство с полицией. И Данил так не смог определить принадлежность часового к роду войск, возможно, тут не было деления на полицию и военных. Однако отцы-командиры этих войск поступили мудро, не разместив ни одной лавочки рядом с постом, иначе часовой давно бы на неё сел и, скорее всего, уснул.

И мужчина, настоявшись вдоволь, был по-настоящему счастлив, что пришла смена. Смена оказалась такая же раздолбайская, без развода караула, просто пришёл другой служивый, в таком же комбинезоне и с таким же набором вооружения. Правда, попаданец подметил, что кожаная броня так и висела. Кто их знает, может, и по уставу у них так и положено, и зря он думал о часовом как о разгильдяе.

Служивые обменялись парой слов, и сменившийся часовой махнул парню рукой, чтобы тот шёл за ним. Идти было недалеко – в сторону вышки с пулемётом. Под ней, оказывается, был капонир, с которого хорошо простреливались подходы с боков. Но вперёд с него стрелять было невозможно, так как он упирался в земляную насыпь. А вот под насыпью уже находились настоящие казематы. Казармы, столовые и прочие хозяйственные постройки.

Как только вошли в дверь, Данила обволокло приятное тепло. Странно, похоже, у них работало отопление, на улице уже становилось прохладно. А здесь под землёй он ожидал сырости и полутьмы. Оказалось всё наоборот: широкие залитые светом коридоры, выложенные несимметричной плиткой. Вдоль стен шли канавки, которые имели ливневые решетки. И даже искусственный свет был довольно яркий. Такие коридоры уместнее встретить в больницах, а не на военных объектах.

Попаданец последний час разглядывал въезжающие телеги и склонялся к мнению, что всё-таки земные технологии ушли заметно дальше местных, но вот состояние коридоров, отопление и особенно освещение заставляли усомниться в своих выводах, возможно и на равных.

Провожатый уверенно двигался по коридорам и выбирал нужные повороты. Двери были самые обычные, с филёнками, ну, может, чуть мощнее обычных. И явно не служили аварийными перегородками, можно было ожидать тут чего-то похожего на двери бункеров, с их сейфовыми крутилками, но ничего такого не обнаружилось, отчего ещё больше усиливалось сходство с больницей.

Похоже, пришли в столовую, так как просторный зал был заставлен столами с деревянными лавками. И в одном углу было занято два стола, за которыми сидело семь человек, все в одинаковых синих комбинезонах без рукавов. Данил у местных удивления не вызвал, видимо, тут иногда появляются гости. Сидящие промолчали, даже когда провожатый что-то спросил. Все молча ковыряли еду в тарелках и не обращали никакого внимания на говоруна-часового, который, похоже, жаловался на начальников, на то, что найденыйш попал в его смену, и ещё на что-то, наверное, на судьбу. Ему наконец ответил один из сидящих, и все дружно засмеялись. Провожатый же, сказав что-то похожее на «да пошли вы», показал пришлому место за свободным столом рядом с компанией. Пока Данил усаживался, укладывая рюкзак и мешок с мясом на лавку, провожатый сходил на раздачу и поставил посередине стола деревянную чашку с кашей и глиняную кружку с водой. Окно раздачи закрылось прямо перед лицом часового, когда он подошёл второй раз к нему. Похоже, провожатый остался без каши. Данил осмотрелся, хотя, наверное, тут едят из одной тарелки. Точно, ложек-то две принёс. Хорошо, что не пододвинул тарелку к себе и не начал рубать, вышло бы некрасиво.

Часовой взял с раздачи вторую кружку с водой и сел напротив. Данил дождался, когда хозяин первым запустит ложку в кашу, и повторил за ним.

Еда и то больничная, хотя на Земле в самой заброшенной больнице и лучше кашу готовят. Абсолютно пустая каша, просто вода и крупа. Правда, соль стояла на столе в солонке, но чашка была общей, и Данил постеснялся сыпануть в кашу соли.

Немного всё это было неправильно: у него в мешке пять кило мяса лежит, а он кашей давится. Как спросить, где приготовить? Как-как, нужно брать и спрашивать. Парень отложил ложку, потянулся за мешком.

– Вот смотри, подскажи, где сготовить можно?

Часовой аж привстал, смотря, что у пришлого в мешке. Недоверчиво потыкал пальцем, посмотрев, как быстро восстанавливается ямка от нажима пальца, понюхал палец, потом недоверчиво что-то спросил, показывая на сослуживцев.

Данил подумал, что его спрашивают, дескать на всех? Пожал плечами и сказал:

– Ну, конечно, на всех, завтра стухнет, всё равно выкину...

Зачем говорил? Его всё равно не понимают, а его пожимание плечами со стороны выглядит некрасиво, и он кивнул головой, так понятнее.

Часовой схватил мешок, что-то весело крикнул сослуживцам, подошёл к окну раздачи и начал стучать кулаком. Дощатый щит с окна раздачи съехал в сторону. Дальше, хоть разговор проходил на непонятном языке, Данил понял его дословно.

– Добавки не будет, нечего стучать, убирайся.

– Приготовь что-нибудь из этого.

Как бы невзначай часовой сунул мешок с мясом повару.

Тот только взглянул на содержимое, изменился в лице и, сделав поварской жест, сложив пальцы щепотью, сказал:

– Секунда.

А дальше произошло уже непонятно что, но судя по тому, что часовой начал собирать у всех недоеденную кашу, наверное, повар как раз попросил собрать у всех остатки каши и отдать ему.

Служивые же явно повеселели, начали разговаривать, сдвинули столы вместе. И стали Данила учить языку, показывали на стол.

– Мееста.

Он повторял:

– Места.

Взрыв хохота.

– На ме, а мее..

– Мееста.

Дальше одобрительное всеобщее поцокивание. Парень очень хотел запомнить побольше слов, но уже не помнил те слова, что учил первыми. У него в одно ухо влетало, в другое вылетало. Хотя несколько слов отпечатались в памяти, как будто выжглись там; очень интересно было, почему одни слова запоминаются, а другие, которые более необходимы, как будто специально стирались. Вот вроде бы помнит и произношение, и значение, два других слова объяснили, и всё. Из головы всё вылетело.

Постепенно в помещении стало пахнуть съестным, видно у повара начало подходить мясо, да ещё там за стенкой так вкусно шкворчало. Все начали поглядывать с большой надеждой на окно раздачи, а про пришлого вспоминали всё реже. Хотя неожиданно один из служивых взял нож и начал что-то объяснять, очень опасно размахивая ножом перед ухом Данила.

– Дланин.

На секунду показалось, что его назвали по имени, это вывело Данила из равновесия, и он не мог понять, что от него хотят.

– Дланин, – повторял служивый одно и то же слово, показывая ножом на здоровую руку парня. Было немного неуютно, когда в тебя тычат ножом. Поэтому он всё ещё не соображал, что от него хотят. Особенно когда все хором начали объяснять, стало вообще непонятно, и только после удачной пантомимы часового пришло озарение.

Данил был в куртке с одним оторванным рукавом. И ему предлагали отрезать второй, для симметрии, чтоб совсем бомжом не казался. Он задумался, сможет ли сшить вдоль, а потом и пришить рукав, наверное, нет, просто нет ниток, поэтому согласился. И ему тут же, не снимая с плеч куртки, оттяпали второй рукав. Сделали из рваной куртки элегантный жилет.

Дальше всё затихло, потому что со стороны раздачи послышался стук, это повар поставил тарелки. Тут же крайние сорвались и начали бодро переставлять появляющиеся тарелки с раздачи на стол. Осталось три тарелки, их никто не брал – видно, это оставили тем, кто сейчас на посту.

Ну что, повар отличился, кусочки мяса в толстом кляре из каши. Было необычайно вкусно. Возможно, это была заслуга не повара, а просто сильно хотелось есть. Но как бы там ни было, парень набил живот так, что еле сгибался.

После ужина все пошли в курилку, нет, никто не курил, но место было похоже, хоть и находилось в большом помещении, а не на улице. Но с одного уголка были такие же огороженные скамеечки, как в земных курилках, тут даже вентиляция имела и урны.

Здесь разговоры были ленивые, каждый занимался своим делом, кто-то что-то штопал большой медной иглой, а кто-то большим ножом подрезал себе ногти. Данил никогда не видел, чтобы ножом стригли ногти, а у него самого они отрасли уже прилично и стали ломаться, иногда до больного. Поэтому он достал свой перочинный ножик и начал пытаться так же подрезать ногти. Нож был туповат, но, на удивление, резал ногти легко. Было, конечно, страшновато отсобачить себе полпальца, приходилось полностью концентрироваться на этом необычном, но нужном деле, тем более что спешить некуда. И у него получилось. Какое было удовлетворение, когда хоть немного привёл себя в порядок. Сейчас бы баньку выпросить и побриться. Но, скорей всего, баня тут по четвергам, а бритвы опасные, а ими Данил никогда не пользовался. Потому решил не спрашивать, да и лениво уже было, глаза начинали закрываться.

На ночь его всё-таки закрыли в камеру, наверное, это правильно, элементарная безопасность, вдруг он лазутчик какой, мог ночью всех перерезать, и сидеть охранять его никому было неохота. Хотя если так разобраться, дисциплины не было никакой, он мог их спокойно не перерезать, а отравить.

Утро началось с криков, которые разносились по коридорам. Кто-то отчитывал служивых. Наконец прибежали за ним и повели в общий зал, в углу которого и находилась курилка.

Понятие «строй», похоже, здесь отсутствовало. Служивые стояли полукругом, а молодой щёголь лет двадцати в черной кожаной куртке с множеством ремешков и блестящими заклёпками стоял в центре и что-то всем выговаривал, возможно, о необходимости зарядки.

Служивые дышали тяжело, похоже бегали. Или отжимались. И по их лицам было видно, что перед ними стояло воплощение издержек профессии. Бывает, никуда от них не денешься, нужно молча выслушать, выполнить приказы, и он уйдет. Но если что-то возразить, то издержка профессии задержится. Поэтому на речь щёголя все только кивали, типа да, да – согласны, уйди только побыстрее.

Щёголь что-то крикнул Данилу, но тому было всё равно, он не его подчинённый. Но на всякий случай он пожал плечами. Щёголь проговорил умное напутствие своим подчинённым и пошёл на выход. А попаданец, не поняв замысла, остался стоять, служивые же, опасаясь, что щёголь вернётся, за его спиной жестами показывали, чтобы пришлый валил за ним. Ну что? Он и пошёл за ним, ожидая, конечно, что их ждёт машина, всё-таки важный человек.

Но, оказалось, нет, машины не было, не было её и за поворотом.

Пришлось идти пешком. Вот только думалось, что пешее путешествие завершится за углом, а оно всё не кончалось. Они прошли за стены города, тут были ангары, конюшни и гаражи. Несмотря на утро, народ запрягал лошадей, смазывал шарниры лап у шагоходов, в общем готовился к трудовому дню. Выйдя из промзоны, они вошли в жилой сектор. Людей тут встречалось меньше, в основном редкие прохожие спешили навстречу Данилу с провожатым. Несколько раз встречались отряды охотников, по пять-десять человек, те были одеты в кожу и вооружены в основном виденными уже не раз двуствольными ружьями.

Городок был геометрически правильным, имел абсолютно ровные продольные улицы, которые тянулись к центру. А поперечные улицы, по какой они сейчас шли, имели небольшой изгиб по радиусу.

Улицы были мощены камнем, похоже, очень древним. Здания преимущественно каменные, и тоже не вчерашней постройки, возможно, этим камням тысячелетия. Иногда, правда, встречались свежие, деревянные надстройки. Но общее ощущение от городка было такое, что Данил попал в древние века.

Самое удивительное, что каждый квартал был своего рода крепостью. Так как между домами наблюдался каменный забор с бойницами, и попасть за него можно было только через один вход, который обязательно шёл с поперечной улицы. Да и окна домов очень узкие, в такое человеку не протиснуться. Кое-где на окраинах стекла заменены деревянными щитами.

Кстати, дома по краям города были в основном одноэтажные либо с надстройками, ближе к центру – двухэтажные, а в центре трёхэтажные. Если смотреть по тому, что к центру ландшафт опускался, а дома поднимались, и крыши домов всего города были примерно на одном уровне, ну если не считать аляповатых надстроек. Данил это связал с вероятной подачей воды, выше этого уровня она не потечёт, наверное, где-нибудь тут есть и акведук, похожий на древнеримский. Он крутил головой в поисках акведука, вроде с той стороны за хозпостройками виднеется что-то похожее на мост вдоль реки, возможно, это и есть водопровод. Вокруг, конечно, много чего интересного, парень не успевал вертеть головой, тут всё было интересно. И здания, и транспорт, и люди. Особенно притягивали взгляд местные жительницы. Одежды тут далеко не средневековые, вполне обычные, ну может, у местных модниц чаще встречались приталенные сарафаны с пышными юбками. С длиной юбки, как правило, чуть ниже коленок, но встречались и выше коленок. Один раз, засмотревшись на очень красивый рисунок сарафана, Данил со щёголем синхронно споткнулись о край выступающего камня и, так же синхронно покраснев от девичьего смеха, стали внимательнее смотреть под ноги.

В той стороне, куда они шли, виднелись здоровенные антенны, стоящие друг напротив друга. На земле оказались такие же антенны, в советское время такие антенны издавали шум в

эфире на определённой частоте, глуша вражескую пропаганду. И попаданец сделал вывод, что тут как минимум слушают радиоприёмники и пользуются рацией, а как максимум есть и враги.

Наконец поперечная улица, по которой они шли, упёрлась в реку, и они направились вдоль неё по набережной в сторону центра.

Здесь около реки с утра оказалось достаточно многолюдно, многим не спалось, скорее всего нужда заставляла работать с утра. Особенно многолюдно было около реки. Сновали подводы, стучали у воды молотки.

Ба, а молотки-то стучали по понтону, на котором Данил сплавлялся по реке, всё-таки поток смог его сдвинуть. И понтон, обогнав путешественника, приплыл сюда. А сейчас новый хозяин настилает недостающие доски на палубе.

Может, права предъявить? Всё-таки металл тут в цене, а там весу много. Нет, слишком много строителей на нём, эта вещь уже принадлежит местному богатею или вообще муниципалитету.

Данил решил попробовать предъявить права. В лоб же не дадут за это? Используя пантомиму, объяснил сопровождающему, что понтон принадлежит ему. Тот только на полшага замер, не понимая, что хочет пришлый. Но тут же догадался, хоть сделал вид, что не понимает, и махнул парню рукой, чтоб не останавливался и двигался дальше. Ясно, понтон не отжать.

Но Данил сделал всё возможное. Хотя, может, встать и начать истерить? Наверное, не получится, вон патруль из двух человек навстречу идёт, скрутят и дальше неизвестно что будет. Ладно. Будем считать, что понтон до сих пор застрявший, либо утонувший, он всё-таки добровольно его бросил. Тем более что неожиданно дошли до места. Река делала изгиб, и получался своеобразный полуостров. Здесь была здоровенная круглая площадь, один из условных полукругов этой площади и был полуостров, образованной рекой, а вот вторая половина площади как бы ломала идеальный порядок застройки. Да и дома по кругу площади разительно отличались архитектурой, и площадь была неправильной, по логике. Город-то был геометрически правильный, с центром на пару километров дальше. Все улицы вели к центру, а тут площадь как минимум выглядела не логично. Тут не только терялась общая суть города: квартал – значит, крепость. Да и основной строительный материал тут явно бетон и железо. Здесь, на площади, дома стояли вразнобой, без заборов вообще. Да и дома ли?

Во-первых, тут размещалось много ангаров, таких же полукруглых и металлических, как и на Земле. Были ангары и не как в мире Данила, больше похожие на гигантскую юрту. Здесь же были и дома из кирпича и бетона, и даже был местный небоскрёб на пять этажей. Ещё в пользу того, что здесь здания явно нежилые, говорило то, что почти у каждого дома были большие вывески, что-то написано и обязательно нарисовано. Очень удобно, когда не знаешь языка или вообще читать не умеешь. Вон там нарисованы колбаса, хлеб, яйца. Наверное, продовольственный магазин. Рядом вывеска с ружьями и древними шпилечными патронами. Наверняка это оружейный. Некоторые вывески повторялись. Только оружейных магазинов было три. Портные, кожевники, проститутки. Да даже кузня была.

Контора, в которую привели парня, оказалась тут же на площади, возле местного порта и здоровенной антенны. Контора была как раз в пятиэтажке.

Похоже, в этом мире проблема со скамейками-лавочками, их тут не было, и зря Данил подумал, что умные командиры не поставили лавочку на посту. Здесь просто все люди стояли вдоль стен, хотя очереди быстро двигались. Но дверь, к которой привели его, была закрыта, и из неё никто не выходил, да и не заходил.

Ничего не оставалось, как пялиться на присутствующих. На многих была если не чёрная кожанка, так чёрная португеза. Хотя оружия на улицах Данил и не заметил, даже у его сопровождающего не было. Но вот здесь очень часто висели револьверы на черных поясах. А у некоторых, кто полностью экипирован в черные кожаные куртки, висели на плечах ружья различных модификаций. На одно из них парень просто засмотрелся: утолщения на стволе,

похожие на катушки, рычажный приклад с шестерёнками и маховичками и горящие зелёным цветом значки индикации указывали на то, что ружьё было либо лазерным, либо электромагнитным. Это означало, что местные технологии всё-таки в чём-то превосходили земные.

Люди двигались, менялись, кто-то приходил, другие уходили. Данил всё стоял, по примерным оценкам, они со щеголем ждали уже часа два. И если сопровождающий то общался с кем-то, то скрывался за одной дверью или за другой, то парень стоял столбом, боясь опереться на стену, так как стена была побелена, и ладно бы только побелка осталась на спине, так на стене грязное пятно будет, и местные быстро вычислят, кто тут сделал нехорошо, ведь побелка была идеальной, значит, тут никто не опирался о стену.

Данил ещё вслушивался в разговоры, те десятков слов, которые он знал, нет-нет да мелькали в чужих разговорах, конечно, было непонятно, но очень интересно.

Постепенно коридор заполнился людьми, одетыми кто во что горазд. Вот этот народ уже стоял подолгу, как и он, ожидая неизвестно чего. Да и люди были более открытые и добрее. Некоторые посетители начинали разговор с Данилом. Тот лишь говорил одну-единственную фразу, которую выучил у солдат:

– На фандеми.

Это означало «я не понимаю». Народ понимающе кивал, кто-то хлопал по плечу, говоря что-то подбадривающее.

Разница между людьми была заметной, как будто две разные расы: одна носит чёрную кожу, а другая нет. Данил даже заподозрил, что наличие чёрной кожи – это признак начальства. Нет, у него мелькнули, конечно, какие-то грязные мысли про любителей чёрной кожи, особенно насчёт «госпожи», которая прошла мимо в сарафане и с чёрной португеей. Но обстановка была явно несмешной... Он уже хотел плюнуть на всё и свалить в степь, ведь птица вольная, его здесь ничего не держит. Хотя нет, парень себе уже признался, что человек – животное стадное, и без стада ему не комфортно. Когда ходил он по степи, так сильно хотелось просто поговорить с кем-нибудь, да что там поговорить, увидеть бы кого. Ну так-то он, конечно, насмотрелся и наговорился уже вдоволь, и его сейчас тянуло в степь. Ну а если ещё разок взглянуть на ту «госпожу» и немного поговорить с ней?

Появился ещё один человек с чёрной португеей и необычно большим револьвером, там один барабан патронов на двенадцать, не меньше. Человек был сухощавый, небольшого роста. Во внешности ничего примечательного, кроме того, что он постоянно поджимал губы, как Бенджамин Франклин на известной купюре. Проходя мимо щёголя, тот, кого Данил обозвал про себя Бенджамином, докопался до сопровождающего: тыча пальцем в один из ремешков на куртке, что-то ему высказал. Всё верно, пирамида власти. Ты начальник, я дурак. Так же щёголь докапывался до служивых, а сейчас начальник докопался до него, скорее всего это и есть начальник начальника.

Ну наконец-то, хоть что-то сдвинулось. Бенджамин скрылся за дверью кабинета, около которой они стояли. Но Данил зря радовался, ему пришлось со щеголем стоять ещё полчаса, пока крик из кабинета не позволил войти.

Начальник сидел за столом в кресле, картинно откинув голову назад. Так же картинно он её вскинул, подняв руки, и, будто первый раз увидев Данила, что-то спросил. Щёголь, чуть не заикаясь, ответил. Начальник встал, уперев руки в стол, и что-то заорал.

Щёголь схватил найденыша и побежал с ним в конец коридора. Здесь оказался буфет со стоячими столиками. Парню дали кружку сладкого чая и ломоть хлеба с кабачковой икрой и маслом. Если начальник ругал щёголя за то, что тот не покормил его, то начальник Данилу нравился.

Дубль второй... Щёголь, расталкивая людей, подошёл к кабинету. Слава богу, у него приоритет, и не пришлось идти в конец очереди. В кабинете повторилась та же самая картина. Парочка слов, и начальник, багровея, вновь возвышается над столом, рычит ту же фразу. Веро-

ятнее всего, она означает «бегом!», и щёголь срывается и ведет найденыша в медблок. Это, оказывается, почти соседний кабинет. И та самая «госпожа», с которой Данил мечтал поговорить, оказалась местным медиком и совсем не девушкой, а женщиной в годах – вблизи был заметен возраст, мелкие морщинки у глаз и на шее. Но эта женщина могла дать фору любым девушкам, именно своим поведением и манерами. Притом что фигуру и грудь нельзя было отличить от девичьей даже вблизи.

Очень быстро размотав раненому грязную повязку, при этом немного раскровив рану, она сосредоточенно ощупала её края. Данил взглянул сам, что там с раной? Вдруг гной или покраснение. Но всё было не так страшно, как казалось вчера, края раны склеились засохшей кровью, и сейчас рана выглядела совершенно не страшно, было видно, что это действительно царапина. И только когда медичка отрывала прилипший бинт, содрала присохшую корочку, поэтому капелька крови побежала вниз по руке. Парень улыбнулся красивой женщине. Мог бы говорить, наговорил бы кучу комплиментов. Настроение было отличным. Во-первых, он наконец-то уселся на стул, даже столовая была похожа на буфет, и там он ел стоя, а здесь такое блаженство. Во-вторых, рану сейчас стыдно было раной назвать, да даже бинт на неё переводить стыдно, разные порезы и покорябки в силу профессии слесаря на Даниле заживали быстро, так как были постоянными. Ну и в-третьих, он сидел напротив красивой женщины и поедал её глазами. Та, конечно, делала надменное лицо, но видно было, что ей приятно внимание.

Щёголь вновь повёл его, перед самым кабинетом Данил его остановил, ведь если есть возможность воспользоваться ситуацией, нужно пользоваться.

– Стой, куда меня опять ведёшь, сейчас снова начальник ругаться будет, води помыться, побриться, а потом к начальнику.

Щеголь непонимающе уставился. Парень начал изображать пантомимой, как начальник будет ругаться, и что нужно помыться, побриться.

Щеголь оказался совсем дурак или, наоборот, чересчур умный, и просто впихнул его в кабинет. Ладно, не прокатило, хорошо хоть, табуретку предложили. Потому что оформление пришлого заняло несколько часов.

Начальник что-то писал вечным карандашом, точнее металлической палочкой, которая оставляла след на бумаге. Писал много, что писал – неизвестно, но очень скрупулёзно. Рассматривал куртку и рюкзак, вытряхнув всё содержимое на стол. Пара пустых полиэтиленовых пакетов, один с мусором, хабарница с несколькими медяками и алюминиевыми наносниками от респираторов, подобранных ещё на Земле. Пустая банка из-под леденцов, из которой Данил вытряхнул махорку, и то, о чём он совсем забыл, мобильник. Только тот побывал в воде и наверняка больше никогда не включится.

Первым делом начальник осмотрел пластмассовые застёжки на рюкзаке и скривился. Данил его понимал, выглядит ненадёжно. Затем посмотрел в рюкзак, а так как рюкзак явно дешёвый, ткань на дне светилась как марля. Начальник вновь неодобрительно покачал головой. Открыл банку из-под леденцов, втянул ноздрями воздух и от блаженства закрыл глаза. Это, видно, показалось начальнику важным, и он сел подробно описывать банку. Следом повертел кирпич телефона, спросил что-то, Данил ответил:

– Телефон.

И показал пантомимой разговор. Начальник ничего не понимал, но наличие кнопочки сбоку его заинтересовало, и он потыкал кнопки громкости, описав и телефон. А вот медь и алюминий сгрёб, убрал в сейф, выдав оттуда парню две одинаковые медные монеты, размером с николаевский пятак. Указывать это в рапорте не стал.

Наконец начальник ткнул в Данила и что-то спросил. Похоже, спрашивает, как зовут.

– Данил.

– Дланин? – удивлённо переспросил начальник. Данил помнил, что так звучит рукав на местном, потому замахал руками.

– Данил.

– Данил?.. – на тот раз начальник произнёс правильно, и парень кивнул. Начальник же взял что-то похожее на штамп и начал вставлять туда какие-то буквы, делал он это долго и молча. Наконец, встав из-за стола, повёл пришлого сам в помещение на первом этаже. Данилу показалось, что это музей, уж больно много техники тут стояло, да и разнообразных приспособлений, какие-то ему были известны, какие-то приспособления он представлял для чего. Также было много оружия. Около машин парня остановили, что-то спросили, похожее на «можешь пользоваться?», Данил пожал плечами.

– Наверное, смогу.

Но вновь привычка пожимать плечами при правильном ответе сыграла с ним злую шутку. Начальник рассудил, что найденыш не знает, как пользоваться машинами, и повёл его к телеге и макету лошади.

Вновь непонятное слово, подкреплённое взмахом руки. Похоже, просили запрячь лошадь. Когда к машинам подходили, был только вопрос, а сейчас вполне себе жест, призывающий действовать.

Данил пару раз запрягал, дядька когда-то давно показывал, когда тот ещё в школе учился. И, чтобы не ударить в грязь лицом, взял седёлку, накинуд на спину, подтянул подпругу. Довольно скоро накинуд хомут, лошадь-то была не живая и не сопротивлялась. В жизни, как только парень подходил к лошади с хомутом, она разворачивалась задом и грозила лягнуть. И это было натуральное фиаско, всегда дядя надевал хомут и ставил лошадь посреди оглобель. Тут же был муляж лошади, и потому о Даниловом неумении никто не узнает. Он скоро заправил дугу в гужи, а нет, не с той стороны, поправился. Надел дугу. Ну всё. И с гордостью посмотрел на начальника, который от недовольства ещё сильнее поджимал губы.

Данил подумал, что плохо справился с заданием. Начальник же, наоборот, думал: опять неумеха, раз умеет запрягать лошадей, значит, из неразвитого мира, а нужны специалисты. А этого можно лишь в подсобные работники или уборщики записать. К оружию подводить его бесполезно, не первый раз инспектору приходилось видеть таких новичков. Только третий ранг умений в паспорте можно поставить, не выше.

Попаданец это узнает много позже, а пока они пошли вновь по коридорам в кабинет. Начальник вновь молча занялся штампом, добавляя туда наборный шрифт из коробочки специальным пинцетом. Наконец-то удовлетворённо кивнул сам себе, достал палочку сургуча, верёвочку. Накапал на верёвку и прижал штамп. Получился медальончик на верёвочке. Немного полюбовавшись на то, что получилось, он надел сургучный кулон парню на шею и, поковырявшись в столе, достал связку из двух больших ключей, которые тоже вручил ему. И жестом кисти изобразил, чтобы проваливали оба, вместе со щёголем.

Глава 9

Выйдя на улицу, щеголь тут же повёл Данила в один из ангаров. В сам ангар его не пустили. Но через ворота было видно, что это мастерская. По бокам стояло несколько десятков остовов, скорее всего то были доноры, с которых снимали запасные части. Но также у самого входа стояли две машины на колёсном ходу и один шагоход, скорее всего уже отремонтированные и ожидающих хозяев. А возможно, машины стояли на продажу. Из ворот доносились перестук молотков, визг отрезных машинок и очереди пневмоинструмента. Все звуки ему были знакомы. Данил повеселел, с голоду не умрёт.

Слава богу, тут была хоть не лавочка, но толстое бревно, отполированное пятими точками работяг. Но сидеть долго не пришлось, из цеха вылетел паренёк, лет четырнадцати. В одних штанах, по пояс голый, загорелый торс был весь перепачкан мазутом.

– Дланин? – важно спросил он.

– Данил.

Поправка паренька не смутила, он часто затараторил. Данил поднял руку и сказал фразу, хоть как-то позволяющую общаться.

– На фандеми.

Мальчишка показал на медальончик на шее пришлого.

– Да без проблем.

Данил показал медальон. Местный внимательно изучил медальон и важно кивнул. Но почему-то землянину показалось, что паренёк не умеет читать, а посмотрел на медальон просто для порядка.

Паренёк что-то сказал, махнул, призывая, чтобы Данил шёл за ним.

Двинулись в обратную сторону, только по другим улицам. Улицы поначалу ничем не отличались от тех, по которым вели Данила на главную площадь. Но где-то километра за три, когда они вышли за линию двухэтажных домов, ситуация начала меняться. Нет, городок по-прежнему был чист и ухожен, но ощущалось запустение в кварталах, всё чаще встречались деревянные щиты вместо стёкол. Дома и стены вокруг кварталов имели повреждения, и чем дальше шли, тем повреждения становились серьёзнее. Пока дыры в стенах и домах были либо топорно заложены камнем, либо забиты досками или жостью. И чем дальше к окраине шли, тем меньше было ремонтов и больше зарослей во дворах.

Наконец, паренёк остановился около массивной двери одного из кварталов. Данил чуть не налетел на него и остановился тоже. Мальчишка что-то спросил, потом показал, что как бы открывает дверь ключом. Данил не понимал. Пареньку надоело ждать, пока до него дойдёт, и он похлопал его по карманам, показав пальцем на карманы, где лежат выданные начальником ключи.

Так это что, Данилу дом сразу выделили? Вот это здорово! Хотя судя по постройкам вокруг и судя по тому, что впереди ещё были незаселённые улицы, то с жильём тут проблем нет. И выданное жильё не элитного класса. Да ещё неизвестно, какая тут оплата за коммуналку или аренду.

Ключ открыл дверь без проблем, Данил вошёл и остановился, чтобы осмотреться. Свободного места было много. Скорее всего, заброшенные огороды. Квартал состоял из десяти длинных домов на несколько квартир. Планировка квартала была очень простой. Три дома, как вагоны у паровоза, стояли по поперечной улице, три стояли параллельно – по другой поперечной улице. Так как поперечные улицы имели небольшой изгиб, то и дома стояли немного по дуге, своими боками соединяясь с крепостной стеной и образуя общее укрепление. На продольные улицы выступали фасады крайних домов, и еще было по два дома, которые стояли по продольной улице.

Навскидку квартал имел форму почти квадрата, между поперечными улицами около ста метров, а между продольными сто тридцать. Каждый дом имел три крыльца входа. Если это был вход в квартиру, то получалось шикарное жильё, а вот если вход в подъезд, то, получается, узковатые квартиры.

Также внутри квартала были расположены ровные ряды хозпостроек. Наверное, к каждой квартире свой сарай или погреб. Ещё в середине виднелись два здания непонятного назначения. А остальное место было нарезано делянками огородов, и тоже видно у каждой квартиры свой огород, потому что часть посевных площадей не использовалась. Хотя нет, было ещё небольшое озеро или большой бассейн, а также типа детской площадки с кучкой песка в вырытой яме. И, конечно же, тут росли деревья. Правда, не плодовые. Наверное, вовремя не пропололи, а сейчас вымахали, что не спишишь. Хотя деревья тоже использовались, между ними была натянута веревка и сохло бельё.

Паренёк что-то прокричал, потом постучал в окно ближайшего дома и вновь прокричал. На крыльцо вышла женщина, скорее всего мать паренька. Худая, в годах, лет под пятьдесят. Хоть и в выцветшей, но опрятной одежде. Как только увидела измазанного в мазуте сына, она, приговаривая что-то, сначала огрела его мокрой тряпкой, а потом начала оттирать мазут с его тела. Хотя тут же спохватилась перед гостем и начала что-то у него выпрашивать. Влез паренёк, сказал, что Данил ничего не понимает, и, указав на него, произнес:

– Дланин.

Показал на мать:

– Лафина.

– Данил, – поправил землянин своё имя и немного поклонился.

Ему вновь что-то проговорили, судя по всему, придерживаясь этикета. А дальше паренёк что-то объяснил, Лафина пожала плечами. И паренёк жестами попросил жетончик, который висел на шее у Данила. Мать с сыном внимательно разглядывали жетон, поворачивая его и так, и сак. Видно, что оба были безграмотные и не понимали, что там написано. Потом попросили ключи. Ключи тоже ничем не помогли. Кажется, местные не могли понять, куда Данила заселить. Немного посоветовавшись, пошли к другому дому и, не церемонясь, зашли вовнутрь. Всё-таки вход был в подъезд, а не в квартиру, правда в подъезде имелось всего две квартиры, что землянина обрадовало, могло быть и четыре, тогда были бы вообще клетушки, где кровать одна умещается. Хоть дома тут были одноэтажные, в подъезде имелась лестница наверх, вероятнее всего, это был выход на крышу, вернее на стену. Но что ему не понравилось, это стойкий запах в подъезде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.